
Лина Камбер
Запреты
и
искушения
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Лина Камбер

Запреты и искушения

«Автор»
2026

Камбер Л.

Запреты и искушения / Л. Камбер — «Автор», 2026

Елена не знала, что она волшебница — пока за ней не приехали.Обычная девочка из России. Школа, дом, привычная жизнь — и вдруг люди в мантиях на пороге. Не розыгрыш, не ошибка. Её забирают в Хогвартс — мир, о котором она читала только в книгах, и то не в этих.Хогвартс не ждал её. Всё чужое: говорящая шляпа, ожившие портреты, однокурсники, которые смотрят как на диковинку. И один человек, который смотрит хуже всех.Профессор Северус Снейп. Холодные чёрные глаза, презрительная усмешка. Он ненавидит её с первого взгляда — за то, что она здесь не должна была оказаться. За то, что рядом с ней он чувствует то, чего поклялся не испытывать.Она думала, что попала в сказку. Она попала в ловушку.Эта любовь — ненормальная. Опасная. Неправильная настолько, что может закончиться хорошо только по счастливой случайности.«Она не знала, что любовь бывает такой — когда больно дышать, а отпустить ещё больнее».Романтика - Драма - Попаданцы - Slow burn - Северус Снейп / ОЖП

© Камбер Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 35
Глава 6 42
Глава 7 54
Глав 73
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Лина Камбер
Запреты и искушения

Глава 1

День начался с дождя — и закончился бы так же, если бы какой-то придурок на внедорожнике не решил, что лужа — это его личный бассейн. Елена шла в школу, когда холодная вода накрыла её с головы до ног. Куртка, джинсы, кроссовки — всё промокло насквозь.

Она остановилась, выдохнула, посчитала до десяти. Не помогло. Придётся идти дальше.

«Запомни номер, Лена. Запомни номер. Когда-нибудь ты встретишь этого человека на узкой дороге — и вот тогда…» — она не додумала. Мечтать о мести было приятно, но холодно.

Одиннадцатый класс давался ей ровно — без восторга, но и без надрыва. Математика была единственной трещиной в гладкой стене: вычислительные науки её не любили, и она отвечала взаимностью. Зато русский, литература и история шли так легко, что учителя иногда смотрели на неё с подозрением. Поэтому для ЕГЭ она выбрала последние два — и целилась в престижный вуз.

«Хотя какой вуз, если я сейчас утону в собственных кроссовках», — подумала она, хлюпая по лужам.

Дома всё было просто: мама, бабушка, дедушка, частный дом в Петербурге. Отца не было — ни в жизни, ни в разговорах. Семья тянула средний достаток: кредиты, свои заморочки, как у всех. Но Лена подрабатывала продавцом в магазине одежды и не просила денег на свои расходы. На репетитора по математике их всё равно бы не хватило.

Выручил Виктор Михайлович — пожилой учитель математики, лет семидесяти. Договорились просто: вместо денег Лена гуляет с его собакой утром и вечером. Расклад её устраивал.

«Собака — это ещё и бесплатный фитнес. Двойная выгода», — решила она.

Мечтала она о другом. Об актёрском. Готовилась к вступительным с режиссёром своего театрального кружка, знала, что таланта ей не занимать. Эрудированная, начитанная, с хорошей памятью — что могло пойти не так?

«Всё, что угодно. Например, дождь. Или внедорожник. Или физичка», — мрачно подумала она, подходя к школе.

До школы она добралась мокрая, как после купания в Фонтанке. Восемнадцать лет исполнилось, права получила — а машины не было. Права лежали в самом дальнем уголке серванта и ждали лучших времён. Пропуск она, конечно, забыла. Повезло: на вахте сидел дядя Дима.

— Здравствуйте, дядя Дим.

Она облокотилась о турникет и уже открыла рот, но он поднял руку.

— Дай угадаю. «Дядя Дим, ну пропустите, пожалуйста, я забыла, с кем не бывает, вы меня одиннадцать лет знаете, с бабушкой моей работали, я не террористка». Угадал?

— Вполне. — Она сделала кислую улыбку. — Вам надо на актёрский, а не мне.

— Я тоже так думаю. Ты не умеешь врать, девочка моя. — Он приложил руку к виску. — Проходи уж. Не идти же тебе обратно под дождь.

Только сейчас она посмотрела на себя. Джинсы — по колено в грязи. Куртка — не лучше.

«Великолепно. Просто королева бала. Королева бала грязи», — вздохнула она.

— Спасибо, что пустили. А то маменька бы меня прибила. — Она схватилась за голову.

— Иди в раздевалку скорей. — Он кивнул на часы. — У вас сейчас физика. Ваши уже шли и материли Марию Константиновну — она самостоятельную первым уроком устроила. — Он посмотрел на неё с сочувствием. — Так что прибудут с тобой силы, Елена Прекрасная.

— Да прибудут со мной силы, доктор Дмитрий.

Она спустилась в раздевалку, переобулась и засела в мыслях.

«Слава богу, сегодня физра — есть во что переодеться. А если бы только гуманитарка? Эта физичка сейчас начнёт: Лукьена, как ты могла в таком виде явиться в школу? У нас свободный внешний вид, но не настолько же. Какая беспардонность. Вы что, ещё и накрашены? Какой срам. Девушка должна быть скромной — и бла-бла-бла. Достала. У самой глаза синими тенями накрашены и губы красные — это, значит, прилично. Ещё и контрольную дала. Вот бы учиться в другой вселенной — там хотя бы не будет химии и физики…»

Мысли прервала Кристина. Она влетела в узкий проход гардероба, споткнулась о первоклассника, упала, подняла его, отряхнула, извинилась и отправила восвояси.

— Эффектное появление, Кристина Васильевна. — Лена похлопала. — Можно было его ещё ногой придавить и выпнуть под зад.

— И вам доброе утро, Елена Романовна. — Подруга ухмыльнулась. — Вы, смотрю, в наилучшем расположении духа. А какой стиль одежды подобрали — можно в Милан на показ.

— Ха-ха. Очень смешно.

— А если серьёзно — ты будто из канавы вылезла.

— Какой-то урод на внедорожнике облил. — Лена дёрнула плечом. — Если бы не форма на физру, я бы ни за что в таком виде в школу не пришла.

— Согласна. Пошли, переоденешься — и к дьяволу школы.

«К дьяволу — это точно. Только дьявол у нас в юбке и с журналом», — подумала Лена.

В раздевалке пятиклассники странно на них посмотрели. Особенно на Елену. Но ничего не сказали — увидели её взгляд и решили не рисковать. Переодевшись, девушки пулей метнулись на третий этаж. Забежали за минуту до звонка, сели, достали принадлежности. Прозвенел звонок.

И в класс вошла она. Мария Константиновна. Ведьма всей школы. Улыбалась она редко, а чаще всего на её лице можно было увидеть лишь насмешку над учениками. Класс встал.

— Здравствуйте, 11 «А». Садитесь. Доставайте двойные листочки. — Голос у неё был угрюмый, как ноябрь. — Сегодня контрольная по теме «Молекулярная физика и термодинамика». Надеюсь, вы подготовились и у нас не будет проблем, как в прошлый раз.

Она посмотрела на Илью — отличника класса. За прошлую самостоятельную он получил тройку, первую в жизни, и начал с ней ругаться. Дело дошло до директрисы: у парня не было ни одной ошибки. На это женщина ответила: «На пять знает только Бог, на четыре — я, на три — наш отличник». Родители не смолчали — и после этой истории у неё были довольно сильно связаны руки.

— На выполнение у вас сорок минут. Приступайте.

Лена не любила физику. Возможно, из-за преподавателя. Но предмет был для неё пыткой. Как геометрия, только хуже.

«Формулы — это такой способ заставить мозг плакать, не проронив ни слезы», — решила она, глядя на листок.

И химия — она пыталась её полюбить, но в школах России мало учителей, которые интересно рассказывают и показывают опыты на деле. Многие просто диктуют конспект и заставляют решать задачи с формулами. Ей не нравилось такое — именно поэтому химию она терпеть не могла. Этим она отличалась от своей семьи: у всех был дар к химии и особая любовь к ней, особенно у мамы. Дома на неё ругались до тех пор, пока не узнали метод преподавания.

Лена и Карина сидели раздельно: физичка ненавидела, когда они сидели вместе. Девушке казалось, что она ненавидит её только потому, что внешностью её природа не обделила. Хотя сама она считала свою внешность довольно обычной: лицо овальное, без выраженных скул, волосы до плеч, которые она красила множество раз в поисках себя и в итоге остановилась на мелировании в блонд. Фигура не самая лучшая — не худая, но и не полная, спортивного телосложения. Высокая, с чувством стиля. Без косметики могла прийти спокойно, даже с высы-

паниями, в отличие от многих одноклассниц. Но глаза действительно были прекрасными — ей многие об этом говорили. То серо-зелёные, то серо-голубые. Когда в них смотришь, будто видишь Марианскую впадину.

«Главное — не смотреть в них на физичке. А то ещё решит, что я её гипнотизирую», — усмехнулась про себя Лена.

Она сидела с Максимом, своим парнем. Физичка, к счастью, не знала об их связи. Девушка никогда бы не подумала, что будет встречаться с одним из этих «долбиков», но Максим вырос и стал вполне адекватным и мудрым. Вместе они были с девятого класса и уже потихоньку строили планы на жизнь после школы. Только у неё было чувство, что оно ей не надо…

«Или это не оно мне не надо, а я ему не надо?» — мелькнула мысль, которую она тут же прогнала.

Списывала она виртуозно. Делала всё скрытно, так, что невозможно было понять, откуда взялась информация. Так что была отличницей — но без знаний, как у Ильи, и парня это раздражало. Пару раз он даже пытался сдать её на контрольной, но умение спрятать телефон в бюстгальтер так, чтобы ни одна преподавательница не заметила изменений в груди, было только у неё одной в классе.

«Талант. Настоящий талант. Жаль, в вуз его не запишешь», — подумала она, закончив работу.

Она пошла сдавать её на стол старой карги.

— Лукьена, что за внешний вид?

«Ну начинается…»

— Я со стеной разговариваю?

— Нет, что вы. — Она повернулась и сделала невинный взгляд. — А что с ним не так? Вроде школьных правил я не нарушала. В юбке выше пятой точки не хожу, в топиках — тоже.

— Вы что себе позволяете? Тут же парни! — Она вскочила. — Как вы можете говорить такое?

— А что я сказала не так? Я просто ответила: моя грудь не видна под рубашкой, она никак не выделяется и не рвётся за пределы одежды. — Лена пожала плечами. — Если дело не в этом, можете яснее выражать обвинения.

— Лукьена, как вы смеете так со мной общаться! — Физичка покраснела. — Вы, во-первых, в спортивных штанах. Во-вторых, накрашены, как проститутка. В-третьих, ногти у вас — даже не ногти, а когти — выглядят максимально вульгарно. И раз вы не можете держать свой поганый язык за зубами и не можете выглядеть по-человечески — вы же девушка! — как вы можете быть такой бестактной?

Она орала на весь класс. Ребята молчали, решая контрольную. Карина качала головой, снимая это шоу на телефон. А Максим — а что Максим — сидел и решал задачу. Заступаться за свою девушку он сейчас явно не был намерен.

«Отличник. Просто отличник», — с горечью подумала Лена.

— После урока, — не унималась Мария Константиновна, — встретимся с вами в кабинете директора и обсудим, кто и где накосячил.

— Да, полностью с вами согласна, Мария Константиновна, — наконец подала голос Лена. — Посмотрим, что скажет директор, когда узнает, что вы цепляетесь ко мне без причины. Установленной школьной формы нет — есть только ряд условий по внешнему виду. И могут быть исключения, если случился форс-мажор и ученик вынужден быть одет во что попало. А ещё Ульяна Викторовна будет рада новости о том, что педагог публично, при всём классе, унизил ученицу и назвал её проституткой. Правильно ведь, Мария Константиновна? И я думаю, моей маме понравится эта история. А вам понравится её общество — особенно после прошлой встречи у директора, всё по той же причине.

— Нахалка! Да как ты… — Она начала задыхаться. — Пошла вон из класса! И на глаза мои не появляйся!

— С превеликим удовольствием. — Лена всё с тем же спокойным лицом поклонилась ей в пол. — И да, — она повернулась уже у своей парты, — надеюсь, вы будете благоразумны и не начнёте занижать мне оценку. Ну, или что-то делать с моей работой.

— Пошла вон! Без сопливых разберусь! Вышла быстро из класса!

Лена собрала вещи и вышла. В столовой взяла пиццу и сок, поела, потом пошла в спортзал, переодела футболку и размялась.

«Вот и всё. День испорчен. Спасибо, Мария Константиновна. Спасибо, внедорожник. Спасибо, дождь», — подвела она итог.

Остаток дня прошёл спокойно. С Кристиной и Максимом ситуацию обсудили — без драмы. Домой она шла медленно.

У дома на заборе сидела сова. Никогда раньше Елена не видела их здесь. Она подошла ближе, чтобы не спугнуть, — сова не боялась, наоборот, подалась к ней. В клюве виднелся конверт.

— Эй, дружок. — Лена протянула руку. — А что у тебя там в клювике?

Сова пододвинулась ещё ближе и отдала конверт. Взлетела — и исчезла.

— Странно. Но ладно. Ещё бы на немецком написали. Так… «Дорогая мисс Елена Лукьена, сообщаем вам, что вы зачислены в Школу Чародейства и Волшебства Хогвартс. Ждём вас в Лондоне, 11 сентября, на платформе 9¾ в 8 утра». Что за бред? Несмешные шутки у аферистов нынче.

Она выкинула письмо и пошла в дом.

«Сова. Письмо. Хогвартс. Ага. И метла в подарок. Может, мне ещё и бородавку на нос?» — усмехнулась она.

О сове никому не сказала — ещё в психушку спихнут.

На следующий день они с мамой вышли вместе: Лидии — на остановку, Елене — в школу. И обе застыли. Вокруг дома кружило сов двадцать. На каждом сантиметре земли лежали письма — те самые. Это уже мало походило на шутку.

— Это что? — Лидия прищурилась.

— Хэллоуин скоро. Приколы друзей. — Лена махнула рукой. — Иди, а то опоздаешь.

«Друзей. Ага. У меня таких друзей нет. И сов — тоже нет», — подумала она.

Мама опаздывала — и поверила на слово. Лена ещё раз открыла письмо и прочитала внимательнее. В конце была подпись: «При игнорировании сообщения о зачислении будем вынуждены явиться лично. С уважением, директор Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс — Альбус Дамблдор».

— Что за чушь? Какая школа волшебства? Я максимум от прапрабабки могу гадать — вот и всё моё волшебство. Если так хочется, пусть приходят и лично забирают. В наше время только и ведись на такие вещи.

Она убрала письмо в карман и пошла в школу. На уроке тайком перечитывала — раз за разом. Какой из неё волшебник? Она пыталась вспомнить хоть что-то магическое — и не могла. Было чувство, что она упускает важную деталь, но какую — не понимала.

— Эй, Ленка, чего читаешь? — Илья подошёл сбоку. — Ленка, тебе пять лет? Носишь с собой клочок бумаги из книги сказок?

— Не смей меня так называть, Илья. — Она посмотрела на него так, что лучше бы он отступил.

— А что мне будет за это, Ленка? — усмехался он. — Ударишь меня, а, Ленка?

— Я тебе повторяю: не смей.

И тут в коридоре упала лампа. В полуметре от Ильи. Лена будто не видела этого — продолжала зло смотреть на него.

— …меня называть Ленкой. Попробуй ещё хоть раз.

— Ты чего творишь? Дура, что ли?

— Ты дурак? При чём здесь я?

— Но почему-то, когда ты пыхтела от гнева, она свалилась фактически на меня! — орал он.

— А, да? — Она усмехнулась — и не придала этому интереса. Случайность. — Тогда слушай сюда. — Она подошла ближе и процедила в самое ухо, но так, чтобы слышали рядом: — Ещё раз ты меня назовёшь так, как называл буквально до того момента, пока не наложил в штаны, отличничек, — в следующий раз она упадёт не рядом, а прямо на голову. Понял?

Илья закивал и поспешил удалиться.

— Вот и славно. У кого-то есть ещё вопросы?

— Лен… — Кристина подошла неуверенно. — Это правда ты сделала?

— Ты дурная? Нет, конечно. Сама упала. Совпадение. Пошли на урок.

«Совпадение. Ну да. Конечно. Ага», — подумала она, но вслух ничего не сказала.

В библиотеке, куда она зашла за книгой про рептилий, её ждала другая сцена. Кучка девятиклассников задирала своего одноклассника — Вову Платонова.

— Эй, вы. — Лена остановилась. — Нормально на одного лезть кучей?

— Старуха, — сказал самый наглый, — иди уже. Ты хоть у нас и звезда школы, но побереги личико.

— Ты оборзел, что ли? — Она надвигалась на него, словно буря. — Сейчас ты будешь беречь своё личико, уродец!

Она накинулась на парня, который был выше неё. Не смотрела на то, что их много, а она девушка — да ещё и одна. Ей нужна была справедливость. Их разнял Максим. Её лицо не пострадало, а вот его… Губа разбита, из носа течёт кровь.

«Хоть когда-то пригодился», — подумала Лена, но тут же устыдилась.

Учебный день закончился тихо. Илья молчал и даже взгляда не поднял в сторону Елены. К директору, слава богу, никто не пошёл — а то директриса взбесилась бы из-за драки. Физичка, как всегда, была на всех злой, но докладную на Лену не написала.

Дома на кухне сидели мама и бабушка. Рядом — высокий и пухлый бородатый мужчина, женщина в мантии болотного цвета и длинной шляпе, как у ведьм в фильмах, и мужчина с волосами чёрными как смоль. На вид ему было лет тридцать.

— Здравствуйте. — Лена вошла и остановилась. — Мам, а кто это? Мне репетиторы по актёрскому не нужны — у меня уже есть. — Она улыбнулась семье.

«Хотя если это репетиторы по актёрскому, то почему один из них выглядит так, будто хочет меня убить?» — мелькнуло у неё.

— Дочь, присядь. Мы сами в шоке, — сказала Лидия.

— Лен, тут по поводу какой-то магической школы, — неуверенно сказала бабушка, которая обычно верила во всю эту чушь: экстрасенсов на ТНТ, бабок-гадалок и так далее.

— Магической школы? — Лена села. — Бабушка, ты уверена? Может, это те самые экстрасенсы с ТНТ?

Лена разделась, положила сумку и присела за стол к незваным гостям.

— Мисс Хелен, — сказала женщина, — мы прислали вам кучу сов, но, так как нам дошло известие об игнорировании, пришлось приехать самим.

— Меня зовут не Хелен, а Елена. — Она выделила букву «е». — А игнорировала потому, что какой человек в здравом уме поверит в то, что его зачислили в какую-то там школу волшебства в Лондоне?

— Вполне себе возможно, — сказал великан. — Мы же здесь. И разве может быть обычный человек ростом, как я? — Он посмеялся.

«Он добрый. Этот — добрый. А вот тот, с чёрными волосами, явно нет», — отметила Лена.

— Не удивлюсь, что есть личности, как вы, — она вежливо улыбнулась.

Мама и бабушка молчали. На их лицах было непонимание. Страха не было — просто волнение и какой-то трепет.

— В общем, мисс Елена, — женщина сказала это с таким акцентом, что у девушки заложило уши, — вы обязаны поехать с нами. Ваши магические силы уже рвутся наружу, и это может быть опасно.

— Какие магические силы? — Лена выпучила глаза. — Я максимум расклад на картах сделать могу. И то не проверяла, сбывалось у кого или нет. — Она отмахнулась. — В жизни не колдовала и ничего подобного не делала.

— Но… — начала мама.

— Ну вообще колдовала, — перебила бабушка. — Но мы не придавали этому большого значения — всякое может быть. А после пяти лет никаких проявлений не было. Думали, прошло. — Она виновато посмотрела на внучку.

— Вот видите. Так что… — Лена запнулась, ощутив недобрый взгляд темноволосого мужчины.

— Позвольте мне сказать, — процедил он. — Вы, мисс, если не заметили, сегодня чуть не угробили своего одноклассника в порыве гнева. После этого утверждаете, что не колдуете?

— Я всё ещё считаю, что это случайность и совпадение, — помотала она головой. — Какая я волшебница? И как мы можем доверять вам в том, что вы тоже волшебники?

После этой фразы она почувствовала резкую боль в голове — будто кто-то залез в голову и рукой перерывает мозг. Она начала кричать, упав на колени. Мама и бабушка хотели кинуться к ней, но мужчина показал жестом: не стоит.

— Хватит! Прошу, хватит!

— Северус, достаточно! — Женщина оттолкнула его от Лены и обняла её. — Могли просто показать ей Патронус или Люмос, но ты решил залезть к ней в голову!

— Зато я узнал, что она колдовала помимо сегодняшнего дня, — равнодушно сказал он. — Просто не осознавала этого.

— Если у вас там все такие, — сказала Наталья, бабушка Елены, а мама просто кивала, не понимая реальность, — то я бы не хотела, чтобы наша девочка отправилась невесть куда, где её будут мучить и пытать.

— Ох, прошу вас, простите нашего коллегу, — сказал бородатый мужчина. — Он у нас просто привык рубить с плеча. В нашей школе все преподаватели чуткие, добрые и умные.

— Чуткие? — Лена поднялась с колен, всё ещё держась за голову. — Это он-то чуткий? Он мне только что мозг наизнанку вывернул!

— Мисс, — Снейп смотрел на неё холодно, — если бы я вывернул вам мозг наизнанку, вы бы сейчас не разговаривали.

— Северус! — Макгонагалл повысила голос. — Прекратите.

Лена пришла в себя и посмотрела со всей злобой на мужчину, что только что устроил пытку в её голове. Тут она увидела боковым зрением, что на него летит кастрюля с супом, который бабушка приготовила на обед. Осознала — но было уже поздно. Кастрюля упала прямо на мужчину, и всё содержимое растеклось по его белоснежной рубашке.

— Твою мать! — подскочил он, выругавшись. — Да как вы посмели!

Лена и её семья сидели в шоке. Только волшебники были спокойны — кроме одного.

— Извините, пожалуйста, — сказала Елена. — Я не знаю как… Оно само. Я не понимаю.

— Замолчите уже. — Он взмахнул палочкой, и на одежде не было ни пятнышка. — Сколько криков.

— А вы не могли не кричать, когда вам лезут в голову? — огрызнулась Лена.

Снейп посмотрел на неё так, что она пожалела о сказанном. Но не отступила.

— Уважаемые, — подала голос шокированная мать, — а напомните ваши имена.

— Меня зовут Хагрид, — сказал великан. — Я лесничий Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс.

— Меня зовут Минерва Макгонагалл, — сказала женщина. — Я декан факультета Гриффиндор и преподаватель Трансфигурации.

Все перевели взгляд на мужчину. Он молчал.

— Ну же, Северус, — сказал Хагрид. — Они и так боятся и не понимают, а ты молчишь.

— Северус Снейп, — отчеканил он сквозь зубы, закатив глаза. — Декан факультета Слизерин, преподаватель Защиты от тёмных искусств, а также Зельеварения.

— Ну, наши имена вы уже знаете, — выдохнула Лена. — И что мне нужно делать?

— Собирайте свои вещи, мисс, — сказала Минерва Макгонагалл. — Родные могут поехать с нами, если захотят. Потом мы доставим их обратно — от вокзала до дома. Затем отправляемся в Хогвартс, где вы будете обучаться следующие четыре года.

— СКОЛЬКО? — завопила девушка. — Мне вообще-то здесь школу окончить, а как же вуз? У меня здесь своя жизнь! Заберите эту чёртову магию у меня, и разойдёмся!

— Если бы всё было так просто, — усмехнулся Северус Снейп. — Мы не можем этого сделать. А если и сделаем, то вы попросту умрёте от истощения. — Он посмотрел ей прямо в глаза.

Лена поймала себя на мысли, что он довольно симпатичный, и тут же осознала: он опять пытается проникнуть к ней в голову.

— Не надо. — Она сказала это твёрдо. — Я вас понимаю и без вмешательства в мою голову. — Уже спокойнее проговорила она, увидев его смятение от её мысли. Оно было мимолётным, но она не упустила этого. — Что мне делать с жизнью здесь?

— Не волнуйтесь, мы просто очистим память всем, кроме ваших родных, разумеется, — сказала профессор. — Но с этим придётся смириться. И ещё: вам восемнадцать, поэтому вас зачислят не на первый курс, а на третий. Но имейте в виду — ваши однокурсники будут младше вас. Обычно на третьем курсе шестнадцать-семнадцать лет.

— То есть я буду старше всех? — Лена усмехнулась. — Отлично. Просто отлично.

— Зато вы будете взрослее, — заметила Макгонагалл. — Это тоже преимущество.

— Легко сказать, — пробубнила она.

— Я знаю, что это тяжело. — Она положила руку на плечо девушки. — Но лучше так, чем вы убьёте кого-то. Признаюсь, из России у нас не было студентов, поэтому на вас будут языковые чары — как на нас сейчас. К тому же многие знали о своих способностях и контролируют их, даже те, кто жил среди маглов.

— Маглов? — спросила Лидия.

— Людей, в вашем понимании, — отрешённо сказал Снейп.

— Поэтому у нас мало времени. Собирайтесь скорее, а мы пока почистим здесь всё.

Собрав вещи, на вокзал поехала только мама: к бабушке ещё должны были приехать внуки. Лена не сердилась и всё понимала. Им кратко рассказали про курс обучения и о том, что в её случае деньги на учебники и другую атрибутику на первый год выделит школа, а в остальное время придётся всё покупать самим. Расклад не очень. Мама плакала, когда они переместились на вокзал. Там было много учеников — такого же возраста, как она, были и ребята старше.

— Лена, — обратился к ней Хагрид, — это всё, что тебе понадобится при обучении. А вот это, — он достал из-за спины клетку с совой, — мой подарок лично для тебя. Без животного никуда, но я решил, что сова идеально тебе подойдёт.

— Спасибо, Хагрид. — Она обняла нового друга: именно он рассказал ей большую часть информации о новом мире.

— Пора прощаться, — сказала профессор Макгонагалл. — Поезд скоро уедет.

— Пока, мам. — У Лены потекли слёзы. — Я люблю тебя.

— И я тебя, дочка. — Она обняла её так крепко, как только могла. — Я пыталась тебя тут оставить, пока тебя не было, но так будет безопаснее для тебя в первую очередь.

— Я понимаю. — Она горько улыбнулась. — А говорят, что жизнь не может за один день перевернуться с ног на голову.

— Это да. — Мама посмеялась. — Оказывается, всё бывает в этой жизни. Береги себя, родная.

Они обнялись в последний раз, и девушка последовала за Снейпом и Макгонагалл. Хагрид остался с Лидией, чтобы потом помочь ей добраться до дома.

Елена ехала в купе преподавателей: она не знала волшебного мира, и оставлять её сейчас одну было опасно. Макгонагалл посадила её в купе со Снейпом, рыжим мужчиной и очень странной женщиной в очках, а сама удалилась в соседнее.

«Ну вот. Поехали. В школу волшебства. С мужиком, который только что пытал меня в собственной голове. И буду я там старше всех», — подумала Лена, усаживаясь напротив Снейпа.

Он посмотрел на неё. Она — на него.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Просто думаю: если вы так встречаете новых студентов, то как вы встречаете старых?

Снейп ничего не ответил. Но уголок его губы дёрнулся. Самую малость.

Лена решила, что это победа.

Глава 2

Северус Снейп смотрел на неё так, будто она была личным оскорблением. Не просто досадной помехой — а именно оскорблением: кастрюлей супа на белоснежной рубашке, необходимостью тащиться в Россию, несносной девчонкой, которую надо доставить в Хогвартс. Елена не знала причин — и потому решила отвечать тем же. Она ловила его взгляд и швыряла обратно, искра за искрой.

«Ну давай. Кто кого переглядит», — думала она, впиваясь глазами в его тёмные, как застоявшаяся вода, зрачки.

Рыжеволосый мужчина со шрамом на лице заметил эту перепалку и решил, что пора вмешаться. Иначе эти двое убьют друг друга задолго до прибытия в школу.

— Здравствуй. Я так понимаю, ты ученица из России. Хелен, вроде? — уточнил он.

— Здравствуйте. Почти верно. — Она улыбнулась и протянула руку. — Моё имя Елена. А вас как зовут?

— Римус Люпин. — Он улыбнулся в ответ и пожал ей руку. — Прошу прощения за неверное произношение. Твоё имя довольно необычное. — Он подмигнул.

— Ничего особенного в этом имени нет, — процедил Снейп с насмешкой. — Линка. — Буква «е» ему не далась. — Просто очень любит внимание и поправлять всех, да?

— Вовсе нет, профессор. — Она пожала плечами. — Просто прежде чем обзывать или цеплять кого-то, — она наклонилась ближе, — научитесь правильно говорить имя человека. Будь это даже невыносимая форма его имени.

Она подмигнула ему и усмехнулась. Грымза выведена из себя. Снейп был в ярости — она читала это по его глазам, хотя лицо, как обычно, не выражало ничего.

— Буду иметь в виду, мисс Лукьена, — сказал он и отвернулся к окну. Разговор закончен.

— Моя фамилия Лукьена. — Она сказала это ему в спину. — Елена Семёновна Лукьена. — Твёрдо, выговаривая каждый слог.

Северус больше не обращал на неё внимания.

— Ну хватит вам, как собаки дикие. — Люпин посмеялся, а потом сказал ей тихо, на ухо: — Не ругайся с ним. Иначе на зельях он тебя так завалит, что мало не покажется.

— Тоже мне, — закатила она глаза.

Но про себя поняла: таких отношений, как с физичкой, ей здесь не надо. Лучше быть закрытой. Спокойной. Хотя обещать — даже самой себе — она не стала.

— Профессор Люпин, а какой предмет ведёте вы?

— В основном специализируюсь на ЗОТИ. — Он увидел её недоумение и добавил: — Защита от тёмных искусств.

— Но ведь профессор Снейп, — она покосилась на темноволосого, — он ведь тоже ведёт этот предмет.

— Он не то чтобы ведёт его. — Люпин задумался, подбирая слова попроще. — Он специализируется больше на зельеварении. ЗОТИ преподаёт, когда нет учителей.

— А, вон оно как.

И тут Елена увидела, как на неё пристально смотрит женщина в больших очках с толстенными линзами и ужасно нечёсаными волосами. Это её напрягло. Подумав, что та пытается пролезть в её голову, Лена сразу начала думать о неважных вещах — но боли не было. Значит, её просто изучают. Внешне.

— Здравствуйте, — неуверенно сказала девушка.

Ответного приветствия не последовало. Женщина продолжала открыто пялиться, что-то выискивая в ней.

— Это профессор Трелони, — сказал Римус. — Она ведёт прорицание в Хогвартсе.

— Вон оно как. — Лена посмотрела на неё недоверчиво. — Только… почему она молчит и пялится на меня?

Римус не успел ответить. Профессор Трелони сорвалась с места, подошла к Лене и схватила её за руки. Взгляд безумный, зрачки белые, словно она надела белые линзы. А голос — будто с девушкой разговаривает кто-то из преисподней.

— «Когда зеркало веков расколется от первого лживого шёпота, явится дева с очами, что зелены, как морская пучина, и сини, как бездонная высь. В её взгляде — тайны Марианской впадины, ибо в её душе плещутся волны забытых миров.

Её путь пересечёт мужчина, чьи волосы — как ночная гроза, в чьих глазах горит отсвет угасших звёзд, а за спиной тень крыла, что не может лететь.

Тьма восстанет, ибо её час пробил — но лишь их союз станет ей погибелью: её сердце, способное усмирить бурю в его душе, и его сталь, закалённая в испытаниях.

Когда их руки сомкнутся в последней битве, тьма будет повержена их соединённой силой — не останется от неё ни пепла, ни воспоминания, лишь чистое сияние, рождённое в горниле их единства.

И для жителей этого мира не останется ни тьмы, ни страха — лишь свет, что родился из глубины её очей и воспламенился в его возрождённом сердце.

Она принесёт ему жизнь — не ту, что дарят при рождении, а ту, что рождается в битве, когда две души становятся щитом друг для друга. И её дар — не в заклинаниях, а в тихом шёпоте, что разбудил в нём утраченное человечество.

Так свершится великое обращение: как бездна в её глазах усмирила бурю в его сердце, так его тьма стала опорой для её света, и вместе они станут вечным рассветом для всех живущих».

Пророчество закончилось. Трелони быстро пришла в себя — и не поняла, почему сидит на коленях перед девушкой.

— Здравствуй, милое дитя. — Она улыбнулась. — Меня зовут Сивилла Трелони. — Поднялась с колен. — Я буду вести у тебя уроки прорицания. — Помедлила, ещё раз задумчиво оглядев девушку. — А как твоё имя?

— Меня зовут… — Лена не могла прийти в себя. После чего? Пророчества? Она не понимала. Ей было страшно. Впервые — такой страх. Собравшись с мыслями, ответила: — Моё имя Елена Лукьена. Я ученица из России.

— Очень приятно с тобой познакомиться, дорогая. — Она похлопала девушку по плечу и собиралась добавить что-то ещё, как её остановил Снейп.

— Угомонитесь, профессор Трелони. — Он даже не повернулся в их сторону. — Вы мешаете мне спать. Если вы не заметили, вы здесь не одна.

— Я что-то сделала не так? — недоумённо спросила она Люпина. — Я же просто проявила вежливость к нашей юной девушке…

— Нет, нет. — Римус покачал головой. — Всё нормально. Просто Северусу нужен сон и покой. Как и нам всем. Дорога дальняя, так что и нам не мешало бы поспать. — Он повернулся к Елене. Видел её взгляд во время приступа профессора — она всё ещё была напугана, но держалась из всех сил. — Возьми шоколадку. Она успокаивает. Быстро уснёшь — у тебя и так много событий за один день.

— Спасибо, профессор Люпин.

Она взяла шоколадку и, начав есть, погрузилась в мысли, глядя в окно.

«Что за бред? Какая битва? Какая любовь? Какой мужчина? Почему в первый день всё настолько плохо? То в голову влезли, то размели с мамой по разные стороны, теперь ещё и пророчество. Я знаю, такие вещи не надо принимать всерьёз. Но то, что я запомнила каждую строчку, не даёт покоя. Бабушка всегда говорила: на такие вещи надо дулю в кармане крутить. А я не сделала — от шока. А что если пророчество не для меня? И не пророчество это вовсе, а бред сумасшедшей женщины?»

Как бы она себя ни успокаивала, всё равно возвращалась к началу — прокручивая каждую строчку.

Все ребята ехали со своими сверстниками и друзьями. Только она была как прокажённая — среди учителей, в каком-то волшебном поезде. Из всей троицы только Люпин адекватный, добрый и заботливый. Он напоминал ей дядю Диму из её школы: тот тоже вечно давал ей вкусняшки, поил чаем и рассказывал интересные истории, когда отменяли урок. Она скучала по этому времени.

Странно. Буквально несколько часов назад она жила, как здесь говорят, обычной магловской жизнью. А теперь… Теперь всё изменилось с ног на голову. И её больше пугал и раздражал тот факт, что здесь она не знает ничего. Она не приспособлена к этому миру так, как была приспособлена дома. И ещё эта мысль: она будет старше своих однокурсников. На третьем курсе — и восемнадцать лет. Они будут смотреть на неё как на… кого? Старшую сестру? Ненормальную? Взрослую, которая зачем-то села за одну парту с детьми?

«Ну ничего. Там жила нормально — значит, и здесь привыкну. А пророчество… Надо будет потом расклад сделать, что ли. Не зря же я взяла таро».

В этих мыслях она провела весь остаток пути до школы — или, как сказал профессор Люпин, университета, если смотреть со стороны маглов. Людей, человеков — и ещё куча формулировок есть, но здесь именно маглы.

По приезде Елена вышла из поезда вместе со всеми. Хагрид уже собирал первокурсников вокруг себя — тех, кто впервые переступал порог школы. Их ждали лодки. А старшие курсы, как поняла Лена, шли к каретам.

Она остановилась в нерешительности. С одной стороны — она ведь тоже только что узнала о магии. С другой — ей восемнадцать, и она не первокурсница. Её зачислили на третий курс.

«Ну и куда мне? К детям? К третьекурсникам, которые младше меня? Или к взрослым? Или стоять здесь и ждать, пока кто-нибудь не сжалится?» — подумала она.

Хагрид заметил её и подошёл.

— Елена! — Он приветливо улыбнулся. — Ты не с первокурсниками. Тебе туда, — он махнул рукой в сторону карет. — Ты ведь у нас на третий курс. Так что иди со старшими. Ну, со средними. — Он усмехнулся. — Ты у нас и не первокурсница, и не выпускница. Так что — третий курс.

— Спасибо, Хагрид. — Она выдохнула. — А то я уже думала, что придётся плыть с детьми.

— Не переживай. — Он похлопал её по плечу. — Там разберёшься. Ребята хорошие. В основном.

— «В основном» — это обнадёживает, — усмехнулась она.

Хагрид ушёл к первокурсникам, а Лена направилась к каретам. И тут же налетела на кого-то.

— Ой, простите!

— Ничего страшного, — раздался хор двух голосов.

Она подняла голову. Перед ней стояли двое — одинаковые, как отражение в зеркале: рыжие, веснушчатые, с одинаково ехидными ухмылками.

— О-о-о, новенькая! — протянул один.

— И какая! — подхватил второй. — Смотри, Фред, у неё глаза как у русалки из Чёрного озера.

— Вижу, Джордж. Только русалки обычно не стоят с таким лицом, будто их только что ограбили.

— Может, её кто-то обидел? — Первый близнец сделал вид, что ищет обидчика. — Ну-ка, покажи, кто тебя расстроил. Мы его заколдуем. Ненадолго. Но больно.

— Или превратим в хорька. В хорька всегда полезно, — добавил второй.

Лена моргнула. Потом ещё раз. Потом не выдержала и усмехнулась.

— Вы всегда так здороваетесь? Или это специальная программа для новеньких из России?

— Она смеётся! — обрадовался первый. — Фред, она смеётся! А я говорил, что не все русские — суровые снежные люди.

— Ты говорил, что все русские пьют водку на завтрак, — поправил его второй.

— Это тоже. Но это не отменяет.

— Мы, вообще-то, не представились, — спохватился первый. — Фред Уизли.

— Джордж Уизли, — сказал второй. — А ты, судя по акценту, та самая Елена из России, которую Хагрид привёз.

— Можно просто Лена. — Она пожала плечами. — А вы, судя по всему, те самые близнецы, о которых мне ещё никто ничего не рассказывал, но я уже почему-то уверена, что вы — проблема.

— О-о-о, она нас раскусила, — восхитился Джордж.

— С первого взгляда, — согласился Фред. — Талант. Уважаю.

— Вы всегда так разговариваете? — спросила Лена. — Или только когда рядом нет никого, кто мог бы вас остановить?

— Всегда, — хором ответили они.

— Прекрасно. — Лена вздохнула, но улыбка не ушла с лица. — Просто прекрасно. Два клоуна на мою голову.

— Не просто клоуны, — обиделся Фред. — Мы ещё и изобретатели.

— И спортсмены, — добавил Джордж.

— И вообще, лучшие на своём курсе.

— Ну, не лучшие, — поправил Фред. — Гермиона Грейнджер лучшая. Но мы в топе.

— В топе по количеству отработок, — уточнил Джордж.

Лена рассмеялась. Впервые за весь день — по-настоящему.

— Ладно. Вы, кажется, не самые ужасные. — Она огляделась. — Так, а куда мне идти? Хагрид сказал, что старшие курсы едут на каретах.

— Вон там, — Фред махнул рукой. — Но ты не торопись. Сначала надо посмотреть, кто с кем садится. А то попадёшь к слизеринцам — и всё, прощай, весёлая жизнь.

— Или к пуффендуйцам, — добавил Джордж. — Те, конечно, добрые, но с ними скучно.

— А вы сами с какого факультета?

— Гриффиндор, — гордо сказали они хором.

— Конечно, — усмехнулась Лена. — Куда же ещё.

— А ты куда хочешь? — спросил Фред.

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Мне бы просто выжить. И не выглядеть дурой среди тех, кто младше меня на два года.

— О-о-о, так ты у нас взрослая! — Джордж хлопнул в ладоши. — Сколько тебе? Восемнадцать?

— Восемнадцать, — подтвердила Лена.

— Ну всё, — сказал Фред. — Теперь ты наша старшая сестра. Будешь нас защищать.

— Ага. — Лена усмехнулась. — От кого? От вас же?

— Ну, от всех остальных, — уточнил Джордж. — Мы сами себя защитим. Наверное.

— Выжить — это по нашей части, — сказал Фред. — Держись нас, Лена из России. Мы тебя в обиду не дадим.

— Ну, или дадим, но не сильно, — добавил Джордж.

— Спасибо. — Лена усмехнулась. — Очень обнадёживает.

Она посмотрела на них — одинаковых, шумных, невозможных — и вдруг почувствовала, что, возможно, этот день не такой уж и плохой. По крайней мере, здесь есть кто-то, кто может заставить её улыбнуться.

— Ну что, идём? — спросил Фред, протягивая ей руку.

— Идём, — согласилась она.

Кареты оказались не совсем каретами. Их тянули существа, которых Лена сначала не заметила — а когда заметила, предпочла не разглядывать. Что-то в них было такое, от чего по спине пробегал холод.

— Не смотри на них, — сказал Джордж. — Это фестралы. Их видят только те, кто видел смерть.

Лена отвернулась. Не хотелось об этом думать.

В карете близнецы болтали без умолку. О школе, о преподавателях, о том, что Снейп — «ну ты сама поняла», о том, что Дамблдор — «нормальный мужик, хоть и странный», о том, что в Хогвартсе есть потайные ходы, которые они знают все, и что если Лена хочет, они могут показать.

— Может, потом, — сказала она. — Сначала бы до комнаты добраться.

— Это мы мигом, — пообещал Фред. — Мы всё знаем.

— Всё-всё? — усомнилась она.

— Ну, почти всё, — поправился Джордж. — Но то, чего мы не знаем, нам и не нужно.

Карета остановилась. Они вышли — и Лена снова увидела замок. Теперь он был совсем близко. Каменный, огромный, с множеством окон и башен. Светился изнутри тёплым светом.

«Ну вот. Приехали», — подумала она.

Внутри их ждала Макгонагалл. Рядом с ней пролетело несколько призраков, здороваясь со студентами. Все ребята спокойно на это реагировали и здоровались в ответ.

Лена — нет. Она застыла, глядя на полупрозрачные фигуры.

— Впервые видишь призраков? — шепнул Фред.

— Ага, — выдавила она.

— Не переживай. Они не кусаются. В основном.

— «В основном»? — Она повернулась к нему.

— Ну, есть один, Пивз, но это не призрак. Это полтергейст. И он кусается. Но не сильно.

— Спасибо, успокоил.

Макгонагалл обвела взглядом зал. И тут Лена поняла: вокруг неё — первокурсники. Совсем дети. Они смотрели на неё с любопытством, кто-то — с недоумением. Восемнадцатилетняя девушка среди одиннадцатилетних — зрелище странное.

«Ну вот. Я и здесь белая ворона», — подумала она.

— Почему я с ними? — тихо спросила она у Фреда.

— Потому что у тебя первое распределение, — пожал он плечами. — Тебя ведут общим порядком. Как первокурсницу. Только курс потом поставят третий.

— Отлично, — пробормотала Лена. — Просто отлично.

Макгонагалл начала говорить.

— Добрый вечер. Для тех, кто меня ещё не знает — я профессор Минерва Макгонагалл, заместитель директора этого учебного заведения и декан факультета Гриффиндор. Многие из вас знакомы со мной ещё со школьной скамьи, но хочу подчеркнуть: теперь вы не школьники. Вы студенты, стоящие на пороге профессионального становления и взрослой жизни. — Профессор сделала паузу. — Сегодня вам предстоит сделать выбор, который определит не только ваше окружение, но и те ценности, которые вы будете развивать в себе в течение следующих лет. За этим столом сидят представители четырёх факультетов — четырёх философий, четырёх подходов к жизни и магии. Гриффиндор, — её взгляд задержался на нескольких студентах в передних рядах, — мы ценим не просто храбрость в бою, но гражданское мужество — спо-

собность отстаивать свои принципы в повседневной жизни. Готовность быть голосом правды, когда другие молчат. Если вы верите, что сила должна служить защите слабых — вы найдёте дом здесь. Слизерин, — в её голосе появились новые ноты: уважение и серьёзность, — наш факультет воспитывает амбиции и стратегическое мышление. Речь не о простой карьерной гонке — о стремлении оставить след в истории. Если вы готовы брать на себя ответственность за сложные решения и видите возможности там, где другие видят препятствия — Слизерин ваш выбор. Когтевран, — глаза профессора вспыхнули особым светом, — мы ищем не просто эрудитов, а мыслителей. Людей, способных связать несвязуемое и создать новое знание. Если вы готовы посвятить жизнь поиску истины, а не просто сбору фактов — двери Когтеврана для вас открыты. Пуффендуй, — её голос смягчился, — в современном мире особенно важны верность и надёжность. Мы ценим не мгновенные подвиги, а последовательность в словах и делах. Если вы верите, что настоящее волшебство рождается в ежедневном труде и искренности — это ваш факультет. — Макгонагалл сделала паузу. — Позвольте добавить: ваш выбор сегодня особенно важен. Вам восемнадцать, и согласно магическому законодательству вы теперь полностью отвечаете за свои решения. Факультет станет вашей профессиональной семьёй, чья репутация будет влиять на ваше будущее. — Она выпрямилась ещё больше. — Но запомните: какой бы факультет вы ни выбрали — окончательное решение остаётся за Распределяющей Шляпой, которая учтёт не только ваши предпочтения, но и ваши истинные качества. Будьте готовы принять её решение с достоинством.

«Четыре философии. Четыре подхода. А я — одна. И ни к чему не готова», — подумала Лена.

Двери распахнулись. Перед ними предстал зал невероятной красоты: четыре ряда столов, над которыми висели разные флаги — жёлтый, синий, зелёный и красный. В середине — преподавательский стол. Там сидели Хагрид, Люпин, Трелони и Снейп. В центре восседал мужчина с длинной седой бородой и не менее длинными седыми волосами.

Макгонагалл провела студентов к шляпе. Седой мужчина вышел вперёд.

— Дорогие студенты! Для тех, кто не знает — я ваш директор, Альбус Дамблдор. И прежде чем вы начнёте свой путь в этих стенах, позвольте сказать несколько слов. — Когда все притихли, он продолжил: — Вы пришли сюда не просто получать образование. Вы пришли сюда найти себя. Вам по восемнадцать — вы уже не дети, но ещё не взрослые. Вы стоите на пороге, за которым ваш выбор определит вашу судьбу. Забудьте всё, что вам говорили раньше. Забудьте о ярлыках, которые на вас вешали. Здесь ваше прошлое не имеет значения. Имеет значение только то, кем вы решите стать сейчас. Впереди у вас не просто лекции и семинары. Впереди — испытания, которые покажут, из чего вы сделаны. Вы будете падать, будете ошибаться, будете сомневаться. Это нормально. Мужество требуется не для того, чтобы не падать, а для того, чтобы подниматься — снова и снова. Вы найдёте здесь друзей — тех, кто поймёт вас без слов, и, возможно, встретите любовь — ту, что заставляет сердце биться чаще, а мир — играть новыми красками. — Он помедлил. — Но помните: самая важная битва, которую вам предстоит пройти, — это битва с самими собой. Со своими страхами, сомнениями, слабостями. И главная победа — не над кем-то, а над тем, что мешает вам стать лучше. Ваше будущее начинается сегодня. Прямо сейчас. Не бойтесь ошибаться, не бойтесь чувствовать, не бойтесь жить так, как подсказывает вам сердце. И ещё один совет — самый главный: оставайтесь людьми. В мире, где так легко стать циничным, сохраните в себе доброту. В мире, где так много тьмы, оставайтесь светом. Пусть ваше путешествие в этих стенах станет началом чего-то удивительного. Добро пожаловать домой!

Зал залился аплодисментами и радостными выкриками.

— Теперь приступим к распределению, — сказала Минерва.

Она начала вызывать ребят одного за другим. Кто-то радовался, кто-то был в смятении после вердикта шляпы. Первокурсники подходили к шляпе — маленькие, взволнованные. А Лена стояла в стороне и ждала.

«Есть четыре факультета. Пуффендуй, Когтевран, Гриффиндор и Слизерин. Куда идти и что я значу? Такое ощущение, что я одновременно подхожу везде — и не подхожу никуда…»

Наконец Макгонагалл назвала её имя.

— Елена Лукьена, — сказала профессор, даже фактически верно выговорив фамилию. — Проходи и садись на стул. — Она помедлила. — Для тех, кто не знает: мисс Лукьена переводится к нам на третий курс. Она прибыла из России, и это её первое распределение. Да, она старше своих однокурсников — но это не меняет сути. И да, она пришла сюда вместе с первокурсниками, потому что для неё это тоже первый раз — первое распределение, первый вечер в замке. Прошу это учитывать.

По залу прошёл шёпот. Третий курс — и только сейчас распределение? Да ещё и старше всех? Такое бывало редко.

Лена села на стул. Шляпа опустилась на голову. И начала с ней диалог.

— Здравствуй, Елена. — Голос был тихим, но отчётливым. — Смотрю, ты вообще сейчас в полном замешательстве.

— Здравствуй… — проговорила она в шоке. — Я не знаю, что из себя представляю сейчас и кем хочу быть в дальнейшем.

— Если хочешь, я сам приму выбор за тебя. — Шляпа помолчала. — Только тебе нужно впустить меня в свой разум. — Она почувствовала напряжение девушки и добавила: — Не бойся. Больно, как тогда, не будет.

— Хорошо. — Лена согласно кивнула. — Помоги мне…

— О-о-о… В твоей душе плещутся волны забытых миров, а ум полон вопросов, как у той девы из пророчества. Ты так старательно всматриваешься в своё будущее, что не видишь, кто ты есть сейчас. — Пауза, наполненная шёпотом веков. — Ты не видишь в себе отваги? Но скажи мне: разве не ты вчера вступилась за незнакомца в библиотеке? Не из страха, а потому, что иначе не могла? Это была не вспышка гнева… это была принципиальность, идущая из самых глубин твоего сердца, подобно течениям Марианской бездны. — Внутри шляпы появилось тепло, словно первый луч солнца над водой. — Ты боишься ошибиться, боишься не оправдать ожиданий — но под этой тревогой я вижу несгибаемый стержень. Ты не пойдёшь на сделку с совестью, даже если это будет самый лёгкий путь. В тебе живёт тихая отвага, что проявляется не в громких подвигах, а в ежедневном выборе быть честной с собой и другими. — Голос стал глубже, пророческим. — Но знай: твой путь пересечётся со змеёй — но не для борьбы, а для исцеления. Твоё испытание — не уничтожить, а раскрыть душу того, кто скрывается за шипами. Мужчина с волосами цвета грозовой ночи… его ярость — всего лишь щит, скрывающий раненое сердце. Твоя сила — не в противостоянии, а в способности увидеть свет в его глубинах. — Шляпа проникла ещё глубже. — Ты — как та, что принесёт жизнь, рождённую в понимании. Твоя битва — с собственными страхами и с искусством различать истинную суть за масками. Тебе не нужно видеть всю лестницу — просто сделай первый шаг. Именно в Гриффиндоре твоя глубина найдёт опору, а твоя верность станет мостом через пропасть. Ты обретёшь тех, чьи сердца бьются в ритме забытого гимна сострадания. — Шляпа замолчала. В тишине родилось решение, словно восход после долгой ночи. — ГРИФФИНДОР!

И где-то в глубине сознания девушки, в отражении её бездонных глаз, прозвучал последний отголосок:

— «…и своим светом ты растопишь лёд в душе змеи, чтобы вместе вы стали вечным рассветом».

Стол Гриффиндора заликовал. Близнецы Уизли, сидевшие за столом, заорали громче всех. Елена не понимала, к чему такая речь шляпы, но приняла как данное. И почему-то резко почувствовала на себе чей-то взгляд, который прямо выжигает в ней дыру.

Обернувшись, она увидела Северуса Снейпа. Он не отводил от неё задумчивого взгляда. Сложилось ощущение, что он слышал абсолютно все слова шляпы. Что он знал, в чём дело, и о чём шла речь.

Когда он увидел её взгляд, то посмотрел ей прямо в глаза. На секунду ей показалось, что она услышала его голос у себя в голове.

— «Очередная мечтательница, воображающая себя спасительницей чьей-то очерствевшей души… Надеюсь, Гриффиндор оценит этот трогательный порыв», — с лёгкой язвительностью пронеслось у неё в голове.

— Зачем же вы тогда залезли в голову этой мечтательницы? — Она помедлила. — Вновь.

После этого немого диалога он резко отвернулся — его позвал Хагрид.

Лена прошла за стол Гриффиндора, где её уже ждали близнецы. Фред подвинулся, освобождая ей место.

— Ну что, Лена из России, — сказал он, — добро пожаловать в Гриффиндор. Теперь ты официально наша.

— Официально? — усмехнулась она.

— Официально, — подтвердил Джордж. — Мы тебе даже значок сделаем. «Лена из России. Гриффиндор. Опасная».

— Опасная?

— Ну а как же. Ты только что перевела взгляд на Снейпа так, что он отвернулся. Это, знаешь ли, достижение.

Лена посмотрела на них — и улыбнулась. Впервые за весь день — спокойно.

«Может, всё не так уж и плохо», — подумала она.

Но мысли её были совсем в другом месте.

Глава 3

За столом она сумела откинуть ненужные мысли в сторону и просто наслаждаться обществом новых друзей.

— Кстати, Лена, — сказал Рон, — познакомься с моими братьями. Это Фред и Джордж. Они у нас близнецы. — Он показал на двух парней. — А ещё — дикие занозы в заднице.

— Кто бы говорил, — сказали парни в унисон. — Напомнить, кто всё детство бегал за нами?

— Ой, всё. — Рон закатил глаза и уткнулся носом в тарелку.

Тем временем близнецы подошли к Елене и встали как дьяволята по оба плеча.

— Ну что, — начал один, — Елена…

— Елена Прекрасная, — добавил другой. — Нам приятно иметь честь познакомиться с вами.

— Мне с вами тоже, — она улыбнулась. — А теперь, — она резко развернулась, посмотрев на обоих сразу, — объясните, кто из вас Фред, а кто Джордж?

— Я Фред, — сказал парень слева. — Чтобы тебе было легче отличать первое время: я немного ниже Джорджа, и у меня две родинки вот здесь. — Он указал пальцем на подбородок. — Ну и, конечно, я симпатичнее и более открытый, нежели Джордж. — Он начал развивать свои волосы, словно единорог из «Гравити Фолз».

— Молчал бы уж, — сказал Джордж. — Я выше тебя, у меня более красивый нос, и в принципе характер у меня мягче, нежели твой. — Он закатил глаза. — Нам очень приятно с тобой познакомиться, красотка. — Он потрепал её по волосам и подмигнул.

Лена быстро поправила волосы — и почувствовала взгляды со всех сторон. Большая часть парней смотрела с восхищением. Девушки — наоборот, с ревностью и злобой. Она не понимала, что происходит. Внешность у неё самая обычная, русская. Но она опять не заслужила того, чтобы её ненавидели только за привлекательную внешность. Что ей теперь делать?

— Лена, — дёрнула её за плечо Гермиона.

Девушка аж подпрыгнула от неожиданности.

— Всё в порядке? Ты слишком погрустнела.

— Да всё в порядке. — Она вяло улыбнулась. — Просто опять повторяется история из жизни. Где бы я ни была — все пялятся…

— Ну конечно, они будут на тебя смотреть. Ты ведь… — Гарри замялся, думая, что сказать, затем смущённо продолжил: — Ты же просто красавица. А глаза у тебя — просто что-то с чем-то. Как Марианская впадина.

— Спасибо, Гарри. — Она тепло ему улыбнулась. — Мне очень приятно.

После пиршества, перед уходом из Большого зала, она ещё раз взглянула на преподавательский стол — но Снейпа там уже не было.

— Пойдём, Лена! — крикнула ей Гермиона.

— Бегу!

Она вместе с друзьями покинула Большой зал и направилась в спальню. Жила она с Гермионой — после долгих уговоров Макгонагалл. Курсы должны жить со своими, нельзя перемешивать. Но доводы Гермионы сработали: теперь Елена живёт с ней и двумя другими второкурсницами. Так же она договорилась с ребятами, что первое время они будут провожать её на занятия. А если золотая троица не сможет — близнецы без доли стеснения проводят её. Она была счастлива. Настолько, что совсем забыла записать пророчество и сделать расклад, как планировала. Но сил хватило лишь на то, чтобы искупаться и лечь спать.

Тьма сначала была мягкой — как бархат, наброшенный на глаза. Потом в ней начали проступать очертания. Сначала — запах. Древесный, тёплый, с горьковатой ноткой — так пах-

нет старое дерево, прогретое огнём камина. Потом — звук. Тихое потрескивание поленьев, шелест пламени, которое дышит и живёт.

Она стоит посреди незнакомого кабинета. Каменные стены, тёмные шкафы, книги в тяжёлых переплётах. В середине — диван, обитый тёмно-зелёной кожей, потёртой в уголках. На диване сидит мужчина. Чёрные как смоль волосы падают на лицо, чёрная мантия струится по плечам, как тень. В камине горит огонь — и его отблески играют на бледной коже, на длинных пальцах, на тонкой цепочке, мелькнувшей у ворота.

Он выглядит знакомо. Она знает этот силуэт. Знала его раньше — или должна была знать. Но как бы она ни нагибалась, ни подходила ближе, ни всматривалась в профиль — лица не видно. Будто сам воздух вокруг него подёрнут дымкой.

И вдруг — шаги. Лёгкие, быстрые, почти неслышные. К нему подходит девушка. Её силуэт тоже размыт, но движения — плавные, уверенные, как у той, кто здесь не впервые. Она садится ему на колени, обнимает за шею. Её волосы — тёмные волны — рассыпаются по его плечу.

— …Ты прекрасен, — говорит она и целует его. Медленно, нежно, будто пробуя на вкус каждое мгновение. — Ты великолепен…

Его рука ложится ей на талию. Пальцы — длинные, бледные — сжимаются чуть крепче, чем нужно.

— Ты сносишь мне крышу, — говорит он. Голос низкий, с хрипотцой, будто слова даются ему с трудом. — Что же ты со мной делаешь…

Елена пытается прислушаться. Пытается рассмотреть. Но чем ближе она подходит, тем сильнее размываются лица. Она знает, что слышала этот голос где-то. Видела эти силуэты. Но не может понять — где. Она понимает, что лишняя. Что она здесь не должна быть. Но деться никуда не может — ноги будто приросли к полу.

Вдруг — стук. Резкий, нетерпеливый. Мужчина быстро поднимается. Девушка остаётся на диване — и он накладывает на неё чары. Её фигура тускнеет, растворяется в воздухе, становится невидимой.

Он открывает дверь. На пороге — Гарри. Он робко собирался постучать ещё раз, но дверь открылась раньше. В полутьме коридора его лицо кажется совсем юным, растерянным.

— Что вам нужно в такой час, Поттер? — процедил со злобой мужчина. — Насколько я знаю, в такое время ученикам нельзя слоняться по школе.

— Простите, сэр. — Гарри ещё немного помялся. — Мы просто ищем… её нет в комнате. Она вышла и не вернулась после отбоя. Может…

— Я её не видел, — сказал мужчина. — А теперь убирайтесь.

— Но, сэр…

— Поттер, — с ненавистью процедил он, — она с вашего факультета, а не с моего. Так почему вы решили, что я буду следить за мисс…

Не успел Гарри ответить, как дверь перед его носом захлопнулась. Мужчина наложил какие-то чары на дверь. И подошёл ближе к девушке, снимая с неё чары.

— Ну так что, — обхватил он её талию, — ваши друзья потеряли вас, мисс… Что же вы будете делать? — Он посмотрел на неё с усмешкой.

— Думаю, — она провела пальчиком по его груди, — мне стоит вернуться в мои покои, профессор…

— А я думаю совсем иначе, мисс. — Он подхватил её под бёдра и потащил в спальню.

И в этот момент Елена проснулась.

Она подскочила, когда проснулась. Сердце колотилось где-то в горле. Это сон. Просто дурацкий сон. Оглядевшись, она поняла, что проснулась не дома, а в спальне девушек Гриффиндора. Удивительно: как только она проснулась, то уже не могла так точно вспомнить внеш-

ности людей и голоса. Осталось только ощущение — тепло чужой ладони на талии, запах старого дерева и горьковатый привкус дыма.

Поэтому, открыв свой дневник — обычно она записывала туда свои видения, — решила на всякий случай записать сон. Дальше она посмотрела на часы. 4:20.

«Ну что за невезение, — она вздохнула. — Так, я ведь совсем забыла про расклад и пророчество. Теперь у меня их два. Просто прекрасно. Приступим, мать вашу!»

Спустившись в гостиную Гриффиндора, первым делом она записала сон — во всех деталях, что помнила: запах камина, тепло ладони, хрипотцу в голосе, размытые лица, стук в дверь, голос Гарри. А затем приступила к пророчеству профессора Трелони.

«Когда зеркало веков расколется от первого лживого шёпота,явится дева с очами, что зелены, как морская пучина, и сини, как бездонная высь.В её взгляде — тайны Марианской впадины, ибо в её душе плещутся волны забытых миров.

Её путь пересечёт мужчина, чьи волосы — как ночная гроза,в чьих глазах горит отсвет угасших звёзд, а за спиной тень крыла, что не может лететь.

Тьма восстанет, ибо её час пробил —но лишь их союз станет ей погибелью:её сердце, способное усмирить бурю в его душе,и его сталь, закалённая в испытаниях.

Когда их руки сомкнутся в последней битве,тьма будет повержена их соединённой силой —не останется от неё ни пепла, ни воспоминания,лишь чистое сияние, рождённое в горниле их единства.

И для жителей этого мира не останется ни тьмы, ни страха —лишь свет, что родился из глубины её очейи воспламенился в его возрождённом сердце.

Она принесёт ему жизнь — не ту, что дарят при рождении,а ту, что рождается в битве, когда две души становятся щитом друг для друга.И её дар — не в заклинаниях, а в тихом шёпоте, что разбудил в нём утраченное человечество.

Так свершится великое обращение:как бездна в её глазах усмирила бурю в его сердце,так его тьма стала опорой для её света,и вместе они станут вечным рассветом для всех живущих».

«Во сне был мужчина, волосы его были чёрными, вроде. Но что я точно поняла — это один из профессоров Хогвартса. И кто-то явно решил нарушить правила, — она усмехнулась, закусив губу. — Но всё равно непонятно, зачем мне это пророчество? Если оно про кого-то другого… — Она почесала голову и ещё раз начала вчитываться. — Явится дева с очами, что зелены, как морская пучина, и сини, как бездонная высь. В её взгляде — тайны Марианской впадины. Стоп! Марианская впадина… Гарри так сказал про мои глаза. А что если… — она запнулась. — Пророчество всё-таки про меня… Что там говорила шляпа?»

Дальше Лена решила написать все слова шляпы, которые та ей говорила. Это было сложно вспомнить — ведь когда ей вещала Трелони, она была в шоке, и на этом фоне всё отпечаталось в памяти. С пророчеством шляпы пришлось попотеть час, но она восстановила всё до последнего слова.

«В твоей душе плещутся волны забытых миров, а ум полон вопросов, как у той девы из пророчества. Ты так старательно всматриваешься в своё будущее, что не видишь, кто ты есть сейчас. — Пауза, наполненная шёпотом веков. — Ты не видишь в себе отваги? Но скажи мне: разве не ты вчера вступилась за незнакомца в библиотеке? Не из страха, а потому, что иначе не могла? Это была не вспышка гнева… это была принципиальность, идущая из самых глубин твоего сердца, подобно течениям Марианской бездны. — Внутри шляпы появляется тепло, словно первый луч солнца над водой. — Ты боишься ошибиться, боишься не оправдать ожиданий — но под этой тревогой я вижу несгибаемый стержень. Ты не пойдёшь на сделку с совестью, даже если это будет самый лёгкий путь. В тебе живёт тихая отвага, что проявляется не в громких подвигах, а в ежедневном выборе быть честной с собой и другими. — Голос становится глубже, пророческим. — Но знай: твой путь пересечётся со змеёй — но не для борьбы, а для исцеления. Твоё испытание — не уничтожить, а раскрыть душу того, кто скры-

вается за шипами. Мужчина с волосами цвета грозовой ночи… его ярость — всего лишь щит, скрывающий раненое сердце. Твоя сила — не в противостоянии, а в способности увидеть свет в его глубинах. — Проникнув ещё глубже в её сознание, шляпа продолжила: — Ты — как та, что принесёт жизнь, рождённую в понимании. Твоя битва — с собственными страхами и с искусством различать истинную суть за масками. Тебе не нужно видеть всю лестницу — просто сделай первый шаг. Именно в Гриффиндоре твоя глубина найдёт опору, а твоя верность станет мостом через пропасть. Ты обретёшь тех, чьи сердца бьются в ритме забытого гимна сострадания. — Шляпа замолкает, и в тишине рождается решение, словно восход после долгой ночи. А затем провозглашает на весь зал, и её голос звучит как свершившееся предсказание: — ГРИФФИНДОР!

— …и своим светом ты растопишь лёд в душе змеи, чтобы вместе вы стали вечным рассветом».

«Это была принципиальность, идущая из самых глубин твоего сердца, подобно течениям Марианской бездны — шляпа мне тоже про это сказала. Значит, про меня точно, — она подошла к зеркалу и начала разглядывать свои глаза. Сейчас они были серо-зелёными, что точно не походило на дно Марианской впадины. Только вот переходы — они похожи на уходящие в бездну скалы. — Ну ладно, видимо, схожесть есть. Откуда Гарри узнал про такую формулировку… А ещё во сне был Гарри! Точно! Он искал кого-то, кто ему очень важен. Видимо, это была та девушка в кабинете… Как много загадок. Если бы я только могла нормально запомнить внешности и распознать голоса».

Посмотрев на часы, она увидела, что только шесть утра. Есть время сделать расклад. А нужен ли он?

«Конечно нужен! Дура, что ли? — сказал внутренний голос. — Тебе надо посмотреть, что будет».

— Тоже верно, — ответила она вслух своему внутреннему «я» и тихонько прошла в комнату. Взяла карты таро и специальный коврик для расклада, а также свечи и пучок трав — полынь, шалфей, ладан, можжевельник, розмарин и ничем не примечательный укроп. Благодаря этим травам она делает себе защиту, связь с духами и позволяет себе остаться в ясном уме, чтобы всё запомнить.

Сев обратно в гостиную, она разложила всё по местам, зажгла свечи и благовония из трав. Начала с самого важного этапа — держания таро в дыму благовоний и над пламенем свечи, чтобы духи говорили с ней через карты.

«Возможно, смогу увидеть видение, — подумала она с надеждой. Но видения обычно слишком выматывают. — Ну, погнали».

Она ещё раз проверила защитный круг: её методы слишком приближены к работе с духами, она должна быть максимально осторожна. Решив разбить расклад на несколько вопросов и частей, чтобы получить более ясный результат, она приступила к основному этапу работы.

— Уважаемые духи таро, помогите мне найти ответы на интересующие меня вопросы, помогите встать на путь истинный и обрести покой в душе, — услышав вокруг тишину, она продолжила: — Если вы готовы к контакту, то потушите свечу посередине.

Свеча потухла.

— Спасибо вам. Тогда приступим.

Она вновь зажгла свечу и взяла колоду карт.

— Уважаемые духи, какова суть пророчества?

Она вытянула карты: **Суд**, **Иерофант**и **Звезда**.

— «Слушай… и внемли, — услышала она голос где-то справа от себя. — Карта Суд — это не просто карта. Это зов архангельской трубы, что пробуждает спящие души. Мой глас, воплощённый в красках. Когда она является, знай: пророчество уже начало свершаться. Время

иллюзий окончено. Настал миг воскрешения твоей истинной сути, сокрытой под слоями страха и забвения. Здесь — не выбор, а откровение. Пришла пора услышать зов крови и вспомнить обещание, данное тобой звёздам до твоего рождения. Карта Иерофант — я говорю с тобой устами всех, кто хранил знание до тебя. Эта карта — ключ к вратам, за которыми молчат древние истины. Она — отголосок заветов, что передавались из уст в уста, от жрицы к пророку, от тени к свету. Не ищи новых путей — прикоснись к изначальной мудрости. Тайна, что ты пытаешься разгадать, уже была известна нам. Мы ждём, когда твоё сердце откроется, чтобы нашептать тебе ответ, что ты носишь в себе, но не можешь прочесть. Карта Звезда — после бури я являюсь. После крушения я укажу путь. Моя надежда — не слабая утеха, а путеводный свет в водах твоей личной бездны. Смотри: как звёзды отражаются в океане, так и высшее знание отражается в глубине твоих глаз. Доверься течению, что я направляю. Твой духовный путь уже прописан в хоре светил — тебе остаётся лишь поднять глаза и увидеть узор, что мы сложили для тебя навеки. — Помедлив, дух продолжил: — Три эти карты вместе — это наше слово, произнесённое в мире людей. Суд зовёт, Иерофант ведёт, Звезда освещает дорогу».

— Спасибо, великие духи, — сказала Лена. — У меня есть ещё вопросы. Вы можете ответить на них? Если да, то потушите правую свечу.

Свеча потухла.

— Благодарю вас, духи.

Перемешав карты, она задала следующий вопрос:

— Что за девушка с глазами бездны?

Она вытянула карты: **Правосудие**, **Отшельник**, **Шут**. А затем решила вытянуть ещё две, чтобы было больше информации, — выпали **Сила**и **Колесница**.

— «Ты смотришь в зеркало каждый день, дитя, и видишь лишь отблеск. Но я вижу всё. И сейчас ты услышишь, — заговорил другой дух. — Правосудие, Отшельник и Шут — это не три карты. Это три имени, что я дал тебе при рождении твоей души. Правосудие — это равновесие вод в твоих очах. Зелёное — жизнь, что ты должна взрастить. Синее — глубина, что ты должна принять. Ты — весы, на которых будет взвешена его душа. Отшельник — это тот, кто смотрит на меня из-за твоих зрачков. Ты ищешь истину не в книгах, а в безмолвии между нашими мирами. Твоё одиночество — это свеча, что освещает путь к его спасению. Шут — это твоя невинность, что он примет за слабость. Но в ней — семя всего, что будет. Твой первый шаг в пропасть, которая станет мостом. — Разъяснил дух. — Сила — ты думаешь, отвага — это меч и крик? Нет. Это твоя ладонь на гриве зверя в его груди. Это тишина, с которой ты слушаешь его рёв. Ты не сломаешь его. Ты приручишь тьму в нём любовью, и она станет опорой для твоего света. Колесница — ты возничий самой себя. Два сфинкса — твой страх и твоя надежда — рвутся в разные стороны, но ты держишь вожжи. Ты научилась править хаосом своей бездны. Теперь ты поведёшь и его. — Молчание. Елена думала, что духи не скажут, не подтвердят её догадки насчёт себя. Но, почувствовав её сомнения, дух сказал: — Ты смотришь в зеркало и видишь девушку. Я смотрю на тебя и вижу ту, что стоит между пророчеством и его исполнением. Не отводи взгляд. Ибо всё, что я сказал, уже написано в глубине твоих глаз, что видели истоки рек и помнят тишину до рождения звёзд».

— Получается, всё-таки уже что-то случилось. Первый пункт пророчества: чья-то ложь привела к трещине, и явилась я в этот мир, — она подумала и уточнила для себя: — В волшебный мир. Чтобы спасти кого-то, а затем и всех остальных…

— «Верно, дитя, — сказал ей дух. — Если есть ещё вопросы, задавай. Не медли, не бойся».

— Благодарю вас. — Она подумала над следующим вопросом, пока брала все карты в руки. — Что за мужчина в виде змеи, которого я должна спасти?

Она вытянула карты: **Король мечей**, **Дьявол**, перевёрнутый **Рыцарь пентаклей**, **Смерть**и **Двойка мечей**. Её напрягла карта Смерти — но, вспомнив свой многолетний опыт, она знала, что карта не всегда напрямую означает смерть.

— «Да. Вы встретились. Не для нежности, но для битвы. Пророчество вступило в силу, и его первое проявление — не любовь, а огонь. Ваши взгляды скрестились, как клинки. Ваши слова — те немногие, что были брошены, — несли в себе не тепло, а яд. И это… правильно. — Дух вновь сменился. Теперь с ней говорила девушка, чей голос был настолько приятным, будто с ней разговаривает ангел. — Король Мечей и Дьявол — ты слышала его голос? Холодный, отточенный, лишённый всякой теплоты. Каждое слово было ударом маленького лезвия, предназначенным оттолкнуть, ранить, защитить его территорию. А за этим — безмолвный рёв Дьявола. Его оковы — это его гордыня. Его тень — это страх, что ты увидишь в нём слабость. Его раздражение — лучшая маска, какую он мог придумать. Перевёрнутый Рыцарь Пентаклей — его злость не сила. Это окаменелость. Он застрял в болоте собственной боли и теперь брызгает этой грязью на всех вокруг, особенно на тебя. Почему? Потому что твой самый взгляд — без слов, без действий — напоминает ему о том, что он когда-то чувствовал. А он поклялся больше никогда не чувствовать. Смерть — эта ярость, это презрение… это и есть начало его трансформации. Семя, которое должно прорасти через толщу льда. Он ненавидит в тебе то, что ты заставляешь его чувствовать — раздражение, всплеск эмоций, жизнь. Это больно. И через эту боль ему предстоит умереть для своего старого я. Двойка Мечей — он нерешителен. Разрывается между желанием изгнать тебя из своего мира и странным, необъяснимым влечением, которое он яростно отрицает. Его слепота — это сознательный выбор. Он отказывается видеть в тебе что-либо, кроме угрозы. Пока. — Дух помедлила, почувствовав, что девушка расстроилась. — Не печалься об этой злости. Лекарство часто горько на вкус. Его ненависть — лишь доказательство, что пророчество живо. Оно бьётся в его сердце, как заноза, которую он не может извлечь. И однажды раздражение перестанет быть ему опорой, и он рухнет. И тогда… тогда ты будешь там».

— Спасибо вам. — Почему-то разгадка крутилась прямо на языке, но она не могла понять, почему образ такой знакомый — на вид и по описанию. Будто в самый последний момент ей стирают память, заставляя возвращаться в самое начало. — Да что же это такое? Я ведь знаю, кто это! Почему я не могу сформулировать даже в мыслях?

— «Потому что время ещё не пришло, — ответила ей дух. — Судьба знала, что ты будешь искать ответы раньше того срока, который нужен, чтобы вы начали контакт. Поэтому, — Елена почувствовала невесомое касание до плеча; достав из кармана зеркало, она посмотрела в него и увидела прекрасную девушку, и вправду похожую на ангела или богиню, — тебя зачаровали. И не сможешь ты видеть и слышать этого человека, пока не соберёшь достаточное количество пазлов».

— Вы и вправду похожи на ангела, — улыбнулась Лена. — Спасибо вам.

— «Не за что, дитя, — сказала она. — Поверь, ангелом являешься и ты. Только для него. — Она улыбнулась и испарилась».

— «Есть ли ещё вопросы у тебя? Можем ответить только на один. Ты уже достаточно истощена», — сказал старый дух.

— Жаль, что только один. — Она грустно опустила голову, обдумывая последний вопрос. — Какова наша судьба и встреча с ним? Не хочу наделать глупостей раньше времени.

— «Вы встретились. Мимоходом. Тенью. Но сегодня… с часу на час… случится нечто большее. Не встреча, а вспышка. Мгновение, которое вгонит недостающий фрагмент пазла в твоё сознание, — сказал дух. — Влюблённые — эта встреча станет для тебя не знаком сердца, а вопросом, высеченным в камне: Кто ты? Глядя на него, ты будешь вынуждена выбрать — остаться верной той, кем себя знала, или признать ту, чьё отражение ты видишь в его глазах. Это будет тихий, безмолвный выбор, от которого зависят все дороги. Двойка Кубков — вы не

обменяетесь ни словом. Но в этот миг между вами протянется незримая нить — мост через бездну ваших страхов. Ты почувствуешь необъяснимое признание, будто ваши души наконец нашли потерянную рифму в хаосе мироздания. Башня — и именно тогда в твоём разуме рухнет одна иллюзия. Та, что ты лелеяла о нём… или о себе. Это будет не громкое падение, а тихий треск — осознание, что всё, что ты думала о его тьме, было неполной правдой. Его маска даст трещину, и ты увидишь за ней не зло, а ту самую рану, что делает его змеёй. Солнце — это знание не испугает тебя. Напротив, оно принесёт с собой первую искру настоящего понимания — тот самый вечный рассвет, что рождается не из счастья, а из ясности. Ты поймёшь, что твой свет не для того, чтобы ослепить его, а чтобы осветить ему путь к самому себе. Мир — и хотя путь только начался, в этот час ты ощутишь проблеск целостности. Всё встанет на свои места. Ты поймёшь, зачем ты здесь и почему именно ты. Это знание будет ждать своего часа в глубине души, как семя, что ты понесёшь в себе до следующей встречи. И в завершение хочу сказать тебе, — он секунду помолчал, — но самый важный фрагмент пазла… он придёт не наяву. После этой встречи, когда твоё сознание устанет искать ответы, твой разум отступит. И во сне… ты увидишь. Не картинку, не символ — а знание. Оно встроится в тебя тихо, как ключ в замок. Ты проснёшься утром с тем же самым вопросом, но внутри тебя уже будет скрываться его отголосок. Ты ещё не сможешь его назвать, но он уже будет частью тебя. Жди. Следующая встреча приближается. Теперь ступай. Время уединения подходит к концу. Помни, что ты — его спасение».

— Спасибо вам, уважаемые духи, — она взяла карты в руки. — Сеанс окончен.

С этими словами она потушила свечи. А вот благовония не тушила, пока не записала все слова и диалоги в дневник: розмарин сохраняет великолепную память, пока не потухнет.

Как только она со всем закончила и собралась возвращаться в комнату, на лестнице она столкнулась с Гарри.

— Привет, — сказала Елена.

— Привет. Ты чего не спишь? — зевнул он. — Только время подъёма, а ты уже собрана и явно занималась. — Он указал взглядом на её дневник и сумку. Он не знал, что там, но запах трав всё ещё царил в помещении.

— Да не спалось мне, — в какой-то степени даже не врала. — Решила пописать стихотворения, а для сосредоточенности разожгла благовония. — «И снова ты не пиздаболка, а честный детектив», — посмеялась она про себя. — Так что уже готова к труду и обороне.

— Ты пишешь стихи? — удивился Гарри.

— Да, — ответила она.

— А можешь показать хотя бы один? — Он смотрел с такой мольбой в глазах, что она просто не устояла.

— Ну, раз уж ты готов к выходу, а наши друзья нет, то у нас ещё есть время. — Она повела его на уютный подоконник. — Тебе какого жанра прочитать?

— А какие есть?

— Про любовь, про смерть, русские народные сказания, про приключения — и ещё многое, связанное со старой Русью.

— Давай что-то про старую Русь.

— Отличный выбор, мистер Поттер. — Елена начала искать самое интересное, что у неё есть. — Вот оно! Нашла! «Легенда о Змее-Хранителе»!

Не в тридесятом царстве, не за морем,А в землях, где туманы спят на сопках,Где сосны шепчутся с седою зарёй —Хранила Русь преданье старины.

Жил в глубине озёрной, под горою,Не змей-губитель с чёрною душою,А дух крылатый, чешуёй одет —Хранитель ключа от вечных лет.

Его глаза — два полых изумруда,В них мудрость всех ушедших поколений.Он бережёт хрустальный светильник тот,Что солнцу подземному служит.

Но раз в столетье, в ночь на Купалу,Когда туман клублением спадал,Выходил змей на берег заповедныйИ оборачивался витязем бесследно.

Искал он ту, что в сердце без боязниПрочтёт в глазах его немую повесть —Девицу с волосами, как пожар,Чтоб ключ ей передать от всех пожаров.

Одной такой, по имени Василиса,Что травы знала, как свои седины,Удалось змея не копьём пронзить,А взглядом тёплым сердце растревожить.

«Не страж я вечного покоя,Я — ключ к тому, что смертные теряют:К воде живой, что в чаще воздух бьёт,К любви, что тысячу зим не стареет».

И передал он светильник ей в ладони,А сам рассыпался зарёй по склону.С тех пор в ту ночь, как дождь прольётся звёздный,Является тропа к источнику.

И кто найдёт — тому откроют водыНе молодость напрасную, не силы,А дар — любить так крепко и светло,Как любит ночь землю усталую.

Так в каждой бабке, в старике седомЖивёт частица змеиной этой силы —Не сказка это, а завет святой:Любовь — единый ключ к душе другой.

«А ведь тоже похоже чем-то на пророчество. Тоже есть ключ, тяжёлый характер. Видимо, уже тогда было что-то в осознании».

— Вау, — только и смог сказать Гарри. — Ты это правда сама написала?

— Да, лет в четырнадцать ещё. — Она отмахнулась. — Ждала занятие, раньше приехала и решила занять себя творческим процессом.

— Слушай, а если не секрет, кем ты хотела быть? Ну… — он замялся, — в той жизни. Кем ты собиралась стать после школы?

— Я готовилась к поступлению на актёрский факультет. Только вот… — она показала руками на пространство вокруг, — вот и все мои старания, длиною в пять лет. Теперь сижу в школе волшебства и отыгрываю то, как у меня всё хорошо. Что я смирилась с происходящим. Что для меня толком ничего не поменялось. Только вот… — Она поняла, что говорит много лишнего, и замолчала.

Гарри лишь сочувственно посмотрел на неё, положив руку ей на плечо.

— Всё нормально. У меня бывают такие выбросы после написания стихов.

«Вау, Лукьена, да ты в ударе, — подколол её внутренний голос. — Ещё не успела нормальными контактами обзавестись, как уже врёшь, считай, единственному другу».

В этот момент спустились Рон, Гермиона и близнецы. Поздоровавшись и обнявшись друг с другом, они направились в Большой зал. Там Елена ничего толком не поела — лишь ковыряла тыквенную кашу ложкой. Вдруг она опять почувствовала на себе этот выжигающий дыру взгляд. Оглядевшись, поняла: это опять Снейп. Почему-то ей кажется, что ему не нравится её нахождение в Хогвартсе. Почувствовав, что ей опять пытаются влезть в голову, она начала говорить ему мысленно:

— «Сколько ещё будете так нагло и бестактно врываться в мою голову, профессор?»

— «А я смотрю, вы не так просты, как кажетесь для всех, мисс Лукьена», — сказал с издёвкой он.

— «Лукьена — моя фамилия, сэр». — Она лишь улыбнулась ему в глаза. Она видела его ужасающий взгляд.

— «Меня это мало волнует. — В его глазах виднелись искорки, не предвещавшие ничего хорошего. — А делать я так буду до того момента, пока не пойму ситуацию. Увидимся с вами на паре, мисс Лукьена». — Он выделил это ей с издёвкой и отвернулся.

«Да что это такое? Что ему надо? Он теперь вечно будет врываться без приглашения в мою голову? Что не так с моей головой — это в первую очередь! — Она была в бешенстве. Он вывел её из себя. — Самовлюблённый и заносчивый козёл!»

После завтрака друзья проводили её на урок трансфигурации к Макгонагалл и ушли по своим делам, договорившись на обеде встретиться перед входом в Большой зал.

Глава 4

После двух пар Макгонагалл Елена пришла в Большой зал, как и договаривалась с друзьями. Ноги гудели — не столько от ходьбы, сколько от напряжения. Два часа трансфигурации, два часа полного непонимания, два часа, в течение которых она сидела одна во всей аудитории, будто прокажённая. Макгонагалл объясняла что-то про превращение спички в иголку, про концентрацию, про «намерение», но для Лены это звучало как заклинание на языке, которого она не знала. Она пыталась повторять за другими, но палочки у неё не было — и без неё всё казалось бессмысленным.

Она вошла в зал и сразу увидела знакомую рыжую шевелюру.

— А вот и наша первокурсница, — сказал Фред, откидываясь на скамье. — Чего такая измотанная? Будто мешки таскала, а не сидела у Макгонагалл.

— Смешно, Фред, — натянуто улыбнулась девушка, опускаясь на скамью напротив. — Но можно и так воспринимать. Чтоб вы понимали: я одна сижу во всей аудитории и ничего не понимаю. Просто класс. — Она скрестила руки на груди и закатила глаза.

— Дорогая, — положила руку на плечо подруги Гермиона, садясь рядом, — не всё даётся сразу. Ты ведь только первый день здесь.

— Но всё равно. — Лена посмотрела на неё с такой печалью и обидой на себя саму, что Гермиона невольно сжала её плечо крепче. — Я ненавижу моменты, где я не знаю чего-либо. Ненавижу, когда все вокруг ходят с такими умными лицами и косятся на меня. Бесит всё. Лучше бы не забирали меня никуда.

— Елена, — подошёл к ней ближе Гарри, присаживаясь на край скамьи, — я тебя прекрасно понимаю. Я пришёл в школу, когда мне было одиннадцать, тоже не зная ничего об этом мире. Но, — он помедлил, оглядев всех ребят, — благодаря тому, что я встретил настоящих друзей, я смог научиться всему тому, что знаю сейчас. Поверь, ты сможешь колдовать. Просто нужно время. — Он раскрыл руки, призывая к объятиям. — Веришь мне?

— Честно? Нет. — Она усмехнулась, но шагнула в объятия Гарри. — Просто обнимашки необходимы моей израненной душе.

Все посмеялись. Даже Рон, который уже потянулся к тарелке с картошкой.

— Пойдёмте уже в зал, — сказал он, набивая рот. — А то обеда не видать нам.

— Ты уже ешь, Рон, — заметила Гермиона.

— Это разведка. Надо же понять, стоит ли ждать main course.

Пока они шли к столу, к Лене подошли близнецы. Они появились с двух сторон так синхронно, будто репетировали.

— Мы так понимаем, — начал Фред.

— Что трансфигурация прошла максимально неудачно, — закончил Джордж.

— Вау. — Она схлопнула ладоши. — Вам надо идти в сыщики. Как догадались?

— У тебя же даже палочки ещё нет, — сказал Джордж, кивнув на её пустые руки.

И вправду. Ей подготовили всё для обучения — учебники, мантии, перья, пергамент, — кроме палочки. И как ей быть? Ведь покидать самостоятельно Хогвартс она не может, вроде как. Да, она совершеннолетняя, но ничего не знает о волшебном мире. Надо что-то делать с этой проблемой.

— Фред, Джордж, — она подняла на них взгляд, от которого можно было умиляться, да и только, — а давайте вы со мной съездите за палочкой. А то как же я без неё.

— Ну не знаем, не знаем. — Они почесали затылки.

— Это надо через камин добираться. А пока ты на учёбе, то это невозможно, — сказал Фред.

— Поэтому, красотка, — ударил её пальцем по носику Джордж, — мы, конечно, за любую авантюру, но как выйти за далёкие пределы школы…

— Не в курсе, — перебил его Фред, чтобы последнее слово осталось за ним.

— Ну вы и… — Она не успела договорить.

Гарри схватился за голову и упал на колени. Звук был глухой, страшный — будто что-то треснуло. Все обернулись. И вмиг огородили его огромной толпой — кто-то ахнул, кто-то отшатнулся, кто-то полез ближе.

— Да уйдите же вы! — Она пробиралась через толпу вместе с близнецами, расталкивая локтями. — Уйдите, идиоты! Гарри!

Когда они наконец добрались до него, открылась не самая красивая картина. Поттер сидел на коленях, весь бледный, и держался за голову с такой силой, будто её сейчас раздавит. Глаза у него были закрыты, но по лицу текли слёзы — не от боли, а от чего-то большего. От ужаса.

— Гарри, Гарри, — трясла его за плечи Гермиона, опустившись рядом. — Что с тобой? Опять он?

Лена упала на колени рядом с Гермионой и Роном, не понимая, о чём речь, но переживая за друга настолько, что у неё руки затряслись. Она видела его лицо — искажённое, белое, мокрое от слёз — и чувствовала, как внутри неё что-то натягивается, как струна, готовая лопнуть.

Сквозь толпу, на всю эту шумиху, пробрались профессора. В первых рядах стояли Дамблдор, Макгонагалл и Снейп. Лицо директора было спокойным, но глаза — встревоженными. Макгонагалл сжала губы в тонкую линию. А Снейп смотрел на Гарри так, будто уже знал, что услышит.

— Гарри, — начал трясти его за плечи директор, — ты меня слышишь?

— Профессор, позвольте мне, — сказал Снейп.

Дамблдор отступил, уступая место зельевару. Северус опустился на колени рядом с Поттером — и в этом движении не было ни капли тепла. Он выполнял это так, будто его обязывают. Ему явно не импонировало то, чем он сейчас занят.

— Сейчас вам станет легче, — голос его был холодным и отстранённым.

Он начал шептать какое-то заклинание — тихо, быстро, почти беззвучно. Его палочка описала в воздухе короткую дугу. Дыхание Гарри стало ровнее, но лицо — нет. Лицо оставалось искажённым.

— Профессор, — Гарри с ужасом посмотрел на Снейпа, а затем перевёл взгляд на директора, — он вернулся! Он вернулся! — начал кричать тот.

Зал ахнул. Кто-то отшатнулся. Кто-то закрыл рот рукой. Снейп медленно поднялся, и на его лице не было ни удивления, ни страха — только мрачная сосредоточенность.

— Уизли, — сказал директор, — помогите, пожалуйста, отвезти мистера Поттера в мой кабинет.

— Хорошо, — сказали они в унисон, подхватывая Гарри, который всё кричал и кричал одну и ту же фразу.

Елена была в шоке. Она испытала такой страх, такой ужас, что ему стало плохо, что он орал какой-то бред, а его глаза… А его глаза были полны ужаса и боли. Она смотрела ему вслед, пока его не вывели из зала, — и в её голове всё ещё застыл этот безумный взгляд.

Её руки затряслись ещё сильнее. В один миг посуда стала взлетать и биться, падая на пол. Кувшины, тарелки, кубки — всё поднималось в воздух, будто невидимая рука швыряла их в стены. Ученики, испугавшись, начали паниковать, не понимая, что происходит. Кто-то закричал. Кто-то бросился к выходу. Кто-то пытался спрятаться под стол.

Лена сидела с закрытыми глазами. Слёзы тонкой струйкой скатывались по её щекам. Она не обращала никакого внимания на звуки вокруг — словно была под каким-то куполом. Гермиона пыталась встряхнуть её, но та не реагировала. Просто продолжала плакать.

Снейп, увидев, что происходит, сразу посмотрел на первокурсницу. И, закатив глаза, взял и с силой поднял её на ноги, начиная трясти, чтобы та пришла в сознание. Его пальцы впились ей в плечи — жёстко, без церемоний.

— Ну же, давай, приходи в себя, — его голос, обычно ядовитый, сейчас звучал с нехарактерной сдержанной напряжённостью. Холодные пальцы сжали склянку с дымящимся реагентом. — Мне определённо не хватает проблем с гриффиндорками, устроившими несанкционированный выброс магии.

Он резким движением поднёс склянку к её лицу, и едкий пар окутал её черты. Запах был резким, почти невыносимым — что-то среднее между нашатырём и горелой травой.

Девушка начала приходить в себя только спустя минуту тряски. Гермиона хотела защитить подругу, но, увидев взгляд профессора, резко передумала подходить к ним. Глаза были такими, будто она не в этом мире.

— Что произошло? — Она вздрогнула от последнего грохота разбившейся посуды. — Профессор? — Она смотрела с ужасом в его глаза, которые были полны гнева.

— Посмотрите, что вы устроили, мисс Лукьена, — процедил он, всё ещё держа её за плечи. — Вы мало того, что побили посуду, так ещё чуть не покалечили студентов. Минус пятьдесят очков Гриффиндору. — Он прошипел это прямо ей в лицо.

— Но, профессор, — она пыталась возразить, — но как, я не…

— Останетесь и уберёте здесь всё. Ясно вам?

— Да, профессор. — Она опустила взгляд в пол. Голова жутко болела. Такое ощущение было, что она сейчас потеряет сознание.

— И чтобы никто, — он посмотрел на Гермиону, — не смел ей помогать. После ужина жду вас в своём кабинете. — Он посмотрел на неё и сказал последнее прямо ей в ухо, от чего у Елены похолодело всё внутри. Ей показалось, что он её там убьёт.

— Да, профессор, — единственное, что она смогла выдавить, всё ещё сверля пол глазами.

— Чего встали? — Он посмотрел на всех учеников с яростью в глазах. — Быстро разошлись на занятия!

Снейп, развернувшись на пятках, зашагал прочь из зала — и только его мантия развевалась хаотично от быстрого шага.

Все быстро засобирались и начали покидать территорию Большого зала. Гермиона хотела подойти к подруге, спросить, что с ней было. Но только она сделала шаг, как Лена сделала шаг назад, боясь, что навредит подруге.

— Не надо, Гермиона. — Она выставила перед собой руки. — Не подходи. Иначе я и тебе наврежу.

— Но, Елена, — она сделала ещё шаг навстречу, — позволь мне…

— Гермиона, прошу. — Она с мольбой попросила её. — Я это не контролирую. Не подходи. Иди на занятия. Всё нормально. Просто уйди сейчас подальше, пожалуйста.

Девушка, увидев, что у подруги опять начинают течь слёзы, лишь смогла с печалью посмотреть на неё.

— Если что, я буду в библиотеке, — сказала она и, ещё раз посмотрев на подругу, покинула зал.

Лена осталась одна. Посреди разгромленного зала. С осколками посуды под ногами, с пятнами супа на каменном полу, с тишиной, которая звенела в ушах громче любого крика.

«Боже, что это было? Я ведь не делала ничего. Я просто распереживалась за Гарри. А ещё просто испугалась его взгляда — он ведь был наполнен болью и таким ужасом. — Она начала вспоминать каждую секунду после того, как упала к другу. — Всё тщетно. Я очнулась

после того, как меня Снейп тряс и какую-то хрень к носу подсовывал. Видимо, это что-то типа нашего нашатырного спирта. Но как я могла… — Её голову резко прошибла боль. Она вспомнила, как уронила люстру, чуть не покалечив одноклассника. — Боже… Это опять была я… Я опять чуть не покалечила кого-то».

Она опустилась на колени и начала собирать осколки. Пальцы дрожали. Один из осколков порезал ей палец — она даже не заметила. Просто смотрела, как кровь капает на каменный пол, и думала о том, что теперь она опасна. Не для кого-то. Для всех.

Так она провела ещё полтора часа в своих раздумьях, убирая столовую. Осколки, пятна, разбитые кувшины — всё это складывалось в какую-то мрачную мозаику её первого дня в Хогвартсе.

«Ну, для меня это столовая. Просто большая, красивая и с прекрасной едой. — Она усмехнулась, вытирая пол. — Не то что в России, где дают рыбные котлеты с гороховой кашей».

После уборки она посмотрела на результат — вышло даже очень ничего. Пол блестел. Посуда была собрана. Пятна — затёрты. Она выпрямилась, размяла спину и пошла в душ. Занятий после обеда не было, поэтому до ужина оставалось ещё время. Ей повезло, что по приходу в спальню там никого не оказалось. Поэтому, искупавшись, она нанесла лёгкий макияж и надела чистую форму.

— Ну, теперь и не стыдно на глаза людям попадаться. — Она посмотрела на себя в зеркало. Кожа её была всё ещё бледной, но косметика спасла положение. — Так, ну и последний штрих…

Она взяла блеск для губ — как вдруг её голову вновь прострелило резкой болью. Только теперь она была ещё сильнее. Девушка кое-как добралась до постели. Сев на неё, она услышала голос у себя в голове.

— «Она не сможет. Она не выдержит, — говорила Макгонагалл. — Она ведь ещё совсем слаба. В магии ничего не смыслит. Вспомните, что было с ней после того, как Северус влез к ней в голову.

— Минерва, я доверяю Северусу, — сказал директор. — К тому же, — он задумался, — вы прекрасно слышали мистера Поттера. Сами знаете, кто вернулся. Поэтому у нас просто не остаётся выбора.

— Но, Альбус, — она отчаянно пыталась защитить девушку, — она ещё дитя. Да, ей уже есть восемнадцать, но…

— Ты слышала пророчество, Минерва, — он говорил это с такой безысходностью и печалью. — Мы должны ей помочь. Иначе она погубит себя, нас — и не поможет спасти этот мир…

Минерва молчала. Поэтому директор обратился к Хагриду.

— Хагрид, твоя задача — отвести мисс Лукьену в лавку Олливандера, чтобы она приобрела себе палочку.

— Хорошо, директор.

— На этом и закончим, — сказал он. — Нам надо наблюдать за её выбросами магии. Ведь она в первую очередь может навредить самой себе».

На этом голоса в голове стихли. Что это с ней было? Лена не знала. Голова звенела, и боль не собиралась отступать. Кое-как девушка поднялась с кровати и вновь подошла к зеркалу. Она стала белой — то ли от боли, то ли от видения. Нанеся ещё румян, попытавшись хоть как-то придать коже здоровый вид, она на трясущихся ногах выдвинулась в Большой зал.

Когда она зашла внутрь, ужин уже шёл в самом разгаре. Распахнув двери, она привлекла внимание — все обернулись на звук, кидая опасливые и недоверчивые взгляды на девушку. Кто-то прошептал что-то соседу. Кто-то отодвинулся. А Елена лишь шла к своим друзьям, не обращая ни на кого внимания. Кинув взор на преподавательский стол, она заметила, что Снейпа за ужином нет. Отбросив лишние мысли, она села к друзьям.

— Гарри, как ты? — начала диалог Лена. — Я за тебя очень испугалась.

— Всё нормально, — сказал он отстранённо. — Как ты? Мне Гермиона рассказала, что здесь было, когда ребята меня вывели.

— Всё нормально, — улыбнулась девушка. — Только теперь к Снейпу идти после ужина. Не знаю зачем, но баллы он снял с нашего факультета. — Грустно сказала она.

— Это ещё ничего. Но он, наверное, заставит тебя котлы мыть от остатков зелий, — пожал плечами Рон. — Это ещё ничего. Он нам столько баллов понаснимал, просто ужас. А мне назначил отработку у Филча. Самое худшее, что могло быть…

— В смысле? — с непониманием спросила Елена.

— Да его заставили драть туалет для девочек, — неожиданно сзади подошёл Фред.

— И что?

— А то, — с другой стороны появился Джордж, — что это был заброшенный туалет. — Он повёл бровью, но, увидев полное непонимание девушки, продолжил: — Там живёт призрак — Плакса Миртл.

— А она фанатка парней, — Фред показал кавычки. — Так что Рону было только в радость там, да, братец?

— Ой, идите вы. — Он закатил глаза.

Одна Гермиона молчала. Она изучала Елену и сразу поняла, что что-то не так. Девушка была бледная, хоть и пыталась скрыть это человеческими штучками, но вышло плохо. Ещё взгляд у неё был такой, словно ей от чего-то больно, но она пытается это контролировать. Гермиона решила узнать у подруги позже, что же с ней произошло, — тем более что Лене ещё к Снейпу надо.

— Кстати, — сказала Елена, — кто-то сможет меня проводить до кабинета Снейпа? Я просто вообще не шарю.

— Что не делаешь? — спросил Рон.

— Ну, в России это значит «не знаю». Такой сленг, — понимающе улыбнулась ему девушка.

— Давай мы. Нам как раз нужно к мадам Помфри, — сказали близнецы.

— Вот и чудесно. Если вы поели, то пойдёмте, пожалуйста, — сказала Елена. — А то не хочу его злить ещё больше.

Закончив с ужином, Лена попрощалась с друзьями и отправилась с близнецами в сторону подземелий Северуса Снейпа. По пути туда она рассказывала им про Россию и как там всё устроено. Но больше всего им понравились истории из её школы. А особенно про физичку.

— Она что, правда заставила тебя стоять в углу на одной ноге? — Фред аж остановился.

— Правда. И это было ещё не самое страшное.

— А самое страшное? — Джордж подался вперёд.

— Самое страшное — это её дикция. Когда она диктует формулы, кажется, что она читает заклинание, которое должно тебя убить.

Близнецы захохотали так, что стены подземелья отозвались эхом.

— Ну, вот мы и пришли, — Джордж с деланной мрачностью остановился у зловещей дубовой двери. — Готовься, о дитя солнца, вступать в царство вечной тоски и запаха консервированных жаб.

— Удачи тебе, бесстрашная воительница, — Фред торжественно протянул ей пакетик с разноцветными леденцами. — При первых признаках удушья от скуки — рассоси один. Гарантируем временную галлюцинацию в виде поющего Снейпа.

— Если услышишь зловещее шипение… — Джордж поднял палец.

— …сразу кричи «Виджидиус Вордиос!» — закончил Фред. — Мы примчимся с дымовой завесой и стратегическим запасом взрывных конфет.

— Только не трогай банку с розовым слизнем на верхней полке, — добавил Джордж, уже отступая к спасительному повороту. — Он до сих пор за нами причитает.

— P.S. Если превратишься в саламандру — твоя очередь покупать масло для пивной кегли! — донеслось из-за угла.

Лена посмотрела на дверь. Потом на леденцы в руке. Потом снова на дверь.

— Ну, с богом, — выдохнула она и постучала.

Глава 5

Она постучала в дверь — максимально неуверенно. Ведь она не знала этого человека совсем. В прошлой школе она могла спокойно расхаживать по коридорам, болтать с учителями, грубить и хамить некоторым из них. Там её все знали — и от этого было легче. Ведь её любили. Заботились. Здесь же Елена никому не была нужна.

Да, она нашла друзей. Но насколько они искренни — не могла понять за сутки. Учителя здесь были совершенно иными: максимально отстранёнными, будто им плевать на новеньких, чья жизнь перевернулась в один миг. В российской школе к новеньким относились с теплотой и радостью — кроме физички и химички, но всё равно. Ребята всегда были рады новым людям. Вся школа стояла на ушах, когда в параллельном классе появился новый мальчик.

Лена скучала по этому времени. Тосковала по друзьям, по парню. Она его не очень любила — скорее была привязана. Но всё равно: он был в её жизни. А теперь о ней никто не знал. От этого на душе было настолько пусто, что казалось — там образовалась чёрная дыра. Возможно, она ошибалась насчёт преподавателей Хогвартса. Но всё равно: как тогда, уже не будет нигде.

Она постучала ещё раз — более настойчиво. Из-за двери раздался раздражённый голос, низкий, обволакивающий баритон:

— Войдите.

Отперев дверь, она вошла. В центре кабинета, похожего на оплывшую свечу — тёмные стены, полки с банками, тусклый свет, — восседал Снейп. Его брови были грозно сведены, а перо с размахом выводило на пергаменте кроваво-красные замечания. Он не удостоил входящую даже взглядом.

— Здравствуйте, профессор Снейп, — попыталась она привлечь его внимание.

Ответом была лишь тишина, прерываемая скрипом пера. Его брови сомкнулись ещё теснее, выражая безмолвное раздражение. Девушка, решив не нарываться, молча опустилась на ближайшую скамью и достала книгу. Голова раскалывалась, а кожа была мертвенно-бледной — никакая косметика впервые не могла скрыть её изможденья.

Книга была привезена из России — «Стеклянная вселенная» Дэвида Собола. Книги она любила, космос тем более. А гадания были необходимой тенью в её жизни. Многие произведения на её полке так или иначе связывали холодный расчёт звёзд с попыткой заглянуть в судьбу.

Елена не знала, сколько времени прошло. Но когда она дочитала до сотой страницы, то ощутила на себе тяжёлый, изучающий взгляд. Подняв глаза, она встретилась с его чёрными, бездонными глазами. Взгляд был лишён эмоций — просто анализ, холодный и пристальный.

Она вопросительно приподняла бровь. Он не среагировал. Тишину пришлось нарушить ей.

— Что-то не так, сэр? — спросила она, не отводя взгляда.

Он молчал. Это молчание начинало действовать на нервы.

— Профессор Снейп, — повторила она, и в голосе уже звенела сталь, — всё в порядке?

— Всё в порядке, мисс Лукьена, — наконец произнёс он, растягивая слова. Его бархатный баритон был тихим, но от этого каждое слово обретало особый вес. — Я просто пытался понять, какое именно помрачение рассудка позволило вам устроиться здесь с книгой, словно в библиотеке, в то время как вы присутствуете здесь для отработки наказания. Видимо, в вашей предыдущей школе подобное… — он сделал паузу, смотря ей прямо в глаза, — аморальное пренебрежение обязанностями считалось нормой?

От его ядовитых слов головная боль вспыхнула с новой силой. Девушка сжала кулаки под столом, мысленно считая до десяти.

— Нет, сэр, — проговорила она, заставляя свой голос звучать ровно. — Я предположила, что раз вы сочли возможным проигнорировать моё присутствие, то наименее беспокойным решением с моей стороны будет занять себя чем-то полезным, пока вы… — она сделала такую же паузу, как он, с тем же взглядом смотря в его чёрные глаза, — освободитесь. Ошибаюсь?

— Ошибаетесь, — парировал Снейп, мягко отложив перо и сложив пальцы домиком. Его взгляд, казалось, видел её насквозь. — Вы предположили. Именно эта склонность к самостоятельным и, увы, ошибочным умозаключениям и привела вас сюда. Вы находитесь здесь не как гостья, чьё время можно «занять чем-то полезным». Вы здесь как наказание. И именно я решаю, что является полезным, а что — нет.

Он медленно поднялся из-за стола, и его тень, удлиняясь, накрыла её.

— Поскольку чтение магической литературы явно не входит в круг ваших приоритетов, — он бросил взгляд на книгу, лежавшую перед ней, с лёгкой насмешкой произнеся слово «магической», — мы займёмся тем, что хоть как-то разовьёт ваши скудные познания в зельеварении. Подойдите к этому котлу.

Снейп указал на стоявший в углу небольшой медный котёл, в котором уже побулькивала мутная жидкость.

— Ваша задача — поддерживать огонь ровно на уровне, который я указал на горелке. Не выше, не ниже. Кажется, даже маггловская девочка, впервые попавшая в Хогвартс, способна на такую примитивную задачу. Или я снова ошибаюсь в своих предположениях? — Его губы искривились в едва заметной усмешке.

Елена, стиснув зубы, подошла к котлу. Жар от пламени тут же обжёг её лицо.

— И позвольте уточнить, мисс Лукьена, — его голос прозвучал прямо за её спиной, заставив её вздрогнуть. — Тот факт, что Распределяющая Шляпа в своём неисправимом легкомыслии определила вас в Гриффиндор, не делает вас героиней, чьи выходки будут сходить с рук. Напротив. В этом кабинете это означает лишь одно — я буду следить за вами с удвоенным… вниманием. Гриффиндорцы имеют особый, просто магический талант превращать простые зелья в катастрофы. Не смейте оправдать это доверие.

Девушка лишь молча закатила глаза. Проигнорировав его язвительность, она уселась перед котлом, уставившись на пламя горелки. Северус вернулся за свой стол и с новым рвением принялся выводить кроваво-красные замечания на пергаментах.

«Вот же изверг, — пронеслось в голове у Лены. — Лучше бы помог сдерживать неконтролируемую магию, а не вот это всё. Подумаешь, книгу почитала. Сам же вызвал, при этом сам же и проигнорировал. Мне же делать больше нечего, как на кипящую воду пялиться».

— Слишком громко думаете, мисс, — раздался его голос, эхом отразившись от стен кабинета, заставив её вздрогнуть.

Она резко обернулась и встретилась с его насмешливым взглядом.

— Теперь будете сидеть над зельем не сорок минут, а полтора часа, — произнёс он с мнимой сладостью. — Поздравляю. И минус десять очков с Гриффиндора. За неуважение к профессору. Внутреннее — особенно невыносимое.

Елена стиснула зубы, чувствуя, как жар от котла будто перекинулся на её щёки. Она хотела высказать всё, что думает об этом цирке, но вовремя остановилась. Вместо этого она лишь язвительно прошипела, достаточно громко, чтобы он наверняка услышал:

— Конечно, сэр. А может, сразу на всю ночь оставить? Чтобы я точно никуда не делась и не смогла натворить дел своим «гриффиндорским легкомыслием».

Снейп замер на секунду. Его перо задержалось в воздухе. Он медленно повернул голову в её сторону, и в его глазах вспыхнул холодный, опасный огонёк.

— Не искушайте судьбу, мисс Лукьена, — произнёс он тихим, шелковистым голосом, от которого по спине побежали мурашки. — Или вы полагаете, что ваша дерзость — это остро-

умие? Ещё одно слово, и вы будете чистить ночные горшки у троллей до самого Рождества. Без волшебства.

Она молча смотрела на него, не зная, стоит ли ответить. Сложилось ощущение, что если она скажет ещё что-то против, то ей конец. Поэтому Лена просто перевела взгляд на котёл и продолжила следить за температурой.

Спустя минут двадцать голова начала болеть так, словно по ней били десять молотков сразу. Схватившись за неё, она пыталась дышать равномерно, чтобы облегчить боль, но ничего не выходило. Она попыталась встать, чтобы отпроситься и пойти умыться. Но только девушка сделала пару шагов к профессору, упала на колени, не в силах даже стоять на ногах от боли.

Вдруг глаза её залились белой пеленой, не видя ничего перед собой. Лена начала слышать голоса, а голова продолжала раскалываться. Её всю трясло.

— «Альбус, ты же понимаешь, что мы зря её сюда привезли, — голос Макгонагалл звучал с редкой тревогой. — Надо было отправить её в славянскую школу…

— Минерва, — Дамблдор ответил со своей обычной непоколебимостью, — вы прекрасно знаете нашу ситуацию. Мы не могли так рисковать.

— Я всё понимаю, но ведь она ещё ребёнок. Да, ей девятнадцать, но бросать её… — она запнулась, — …как Поттера в этот разгром…

— Вы сами прекрасно понимаете, как никто другой, — в его голосе прозвучала лёгкая укоризна, — если бы мы её не забрали, то она попала бы к нам уже совершенно другим образом.

— Но, Альбус… — профессор Макгонагалл снова попыталась возразить.

— Я всё сказал, Минерва, — он отрезал решительно. — Девушке суждено здесь быть в это время. Раз пророчество указывает на неё, значит, она должна стоять наравне с мистером Поттером в грядущей битве, как вы выразились».

На этом голоса стихли. Белая пелена осталась. Она была словно в вакууме. Не было слышно ровным счётом ничего. Отдалённо девушка слышала какие-то звуки, но не могла разобрать ничего.

Тем временем Северус сидел и спокойно проверял работы.

«Ещё одна самовлюблённая гриффиндорка, возомнившая себя центром вселенной. Первый день, а уже строит из себя мученицу, — он заметил её бледность, но списал на акклиматизацию. — Пусть привыкает. Хогвартс — не курорт».

В молчании они провели добрых двадцать минут, пока он не заметил, что девушка, держась за голову, идёт к нему.

— Театральные позы можно оставить для школьного спектакля, мисс… — сказал он, не отрывая взгляд от свитков.

И тут он услышал грохот. Елена упала на колени, держалась за голову, глаза были покрыты белой пеленой, она начала кричать от боли, её тело трясло. Северус быстро встал на ноги и подлетел к ней.

— Мисс Лукьена, очнитесь! — его голос прозвучал резко, но девушка не реагировала. Она лишь становилась бледнее, а глаза оставались белыми. Крики не стихали, а трясло её ещё сильнее.

«Легилименция в таком состоянии может сломать ей рассудок. Но если сначала принять боль…» — Снейп направил на девушку палочку, сомкнув их руки в замок. Настроившись на то, чтобы забрать её боль, он произнёс:

— Легилименс.

Затем — пустота, адская боль и те же голоса, что терзали её сознание.

— «Альбус, ты же понимаешь, что мы зря её сюда привезли, — голос Макгонагалл звучал с редкой тревогой. — Надо было отправить её в славянскую школу…

— Минерва, — Дамблдор ответил со своей обычной непоколебимостью, — вы прекрасно знаете нашу ситуацию. Мы не могли так рисковать.

— Я всё понимаю, но ведь она ещё ребёнок. Да, ей девятнадцать, но бросать её… — она запнулась, — …как Поттера в этот разгром…

— Вы сами прекрасно понимаете, как никто другой, — в его голосе прозвучала лёгкая укоризна, — если бы мы её не забрали, то она попала бы к нам уже совершенно другим образом.

— Но, Альбус… — профессор Макгонагалл снова попыталась возразить.

— Я всё сказал, Минерва, — он отрезал решительно. — Девушке суждено здесь быть в это время. Раз пророчество указывает на неё, значит, она должна стоять наравне с мистером Поттером в грядущей битве, как вы выразились».

Затем он чувствовал только боль. Древняя магия яростно выталкивала его, но он успел передать:

— «Очнись, Елена! Я не могу здесь дольше оставаться…»

Вернувшись в кабинет, он увидел, что девушка всё так же не реагирует.

— Проклятая ситуация…

Снейп взял её на руки и перенёс в свой личный кабинет, уложив на диван. Подошёл к шкафу и начал искать зелья: «Рассветный Драугр», «Зелье Пробуждающего Разума» и «Укрепляющий Отвар». Боль постепенно отступала, но девушка снова начала кричать.

— Чёрт возьми…

Он быстро нашёл нужные флаконы и вернулся к ней. Взяв её руку, снова начал принимать боль.

«Тридцать котлов одновременно… и это лишь половина… Что же чувствует она, когда я не забираю боль…»

Девушка оставалась без сознания, белая как мрамор. Если бы не кричала — можно было принять за мертвеца. Сомнения грызли его: как магглорождённая отреагирует на зелья?

«Боже, Северус, она умрёт — или от боли, или от твоей помощи… Лучше уж от помощи».

Взяв «Рассветный Драугр», он отмерил микроскопическую дозу. Одна ошибка — и кома на десятилетия.

— Проглоти. — Его команда прозвучала резко, но пальцы, придерживавшие её голову, были на удивление осторожны.

Когда её тело напряглось, а затем обмякло, он не сразу убрал руку, убеждаясь, что дыхание выравнивается.

«Почему не в больничном крыле? — мысль пронеслась с раздражением. — Потому что Помфри задавала бы вопросы. Потому что… здесь тише».

И почему-то мысль о том, чтобы оставить её одну в этом состоянии, казалась невыносимой.

Он не отошёл, оставаясь рядом. Его тёмные глаза не отрывались от её лица. Когда на щеках выступил слабый румянец, он резко выдохнул, словно только сейчас вспомнив, что нужно дышать. Его собственная голова всё ещё гудела от остатков её боли. Мгновенное противоядие… да, оно бы подействовало. Но слишком грубо. Слишком больно. И почему-то сама мысль об этой боли заставляла его стиснуть зубы.

— Елена. — Его голос был низким и хриплым, лишённым привычной язвительности. Он снова взял её руку, и его пальцы сомкнулись в её руках чуть крепче, чем нужно. — Ещё немного, потерпи…

Он влил зелье. Его движения были точными, но в них читалась непривычная спешка.

«Просто беспокойство, — убеждал он себя. — Ничего более».

Но почему-то её бледное лицо и тихие стоны вызывали в нём что-то… незнакомое. Что-то, что заставляло его выбирать более долгий, но мягкий путь, хотя обычно он предпочитал быстрый и эффективный.

Когда её веки дрогнули, а в глазах проступил осмысленный зелёный цвет, он не отдернул руку, позволив ей увидеть, что он всё ещё держит её. Взгляд его был пристальным, почти пронзительным.

«Почему? — снова пронеслось в голове. Ответа не было. Только странное, непонятное чувство, которое он не мог объяснить».

— Довольно, — его слова прозвучали отрывисто, но в них не было прежней жёсткости. Он всё ещё чувствовал эхо её мучений в собственных нервах. — Хватит на сегодня.

Его пальцы разжались, но он не отошёл, наблюдая, как сознание окончательно возвращается к ней. В воздухе висело невысказанное понимание чего-то важного, того, что уже нельзя было игнорировать, даже если он отказывался это признавать.

Он почти уловил это — тонкую нить, связывающую её внезапное появление в Хогвартсе, эти видения, пророчество, о котором говорили Дамблдор и Макгонагалл… и его собственное, странное, необъяснимое участие в её судьбе.

«Почему я? Почему именно моё вмешательство?» — вопрос жёг изнутри. Он чувствовал, как ответ кружится на краю сознания, почти осязаемый, как аромат редкого ингредиента в сложном зелье. Ещё мгновение — и он поймёт. Увидит узор, связывающий их.

Но в тот миг, когда мысль почти оформилась, что-то резко оборвало эту хрупкую связь. Не удар, а скорее… тихое исчезновение. Словно невидимая рука аккуратно перерезала ту самую нить, оставив его с пустотой и смутным ощущением утраты чего-то, что он так и не успел осознать.

Он отступил на шаг, его лицо вновь стало маской. Но в глубине чёрных глаз осталась тень недоумения и неотпускающее чувство, что пророчество — каким бы оно ни было — уже начало свою работу. И ему, Северусу Снейпу, вопреки всем его принципам и желаниям, в нём отведена роль.

Девушка на диване медленно открыла глаза. Первое, что она увидела, — каменный потолок с трещинами. Потом — его. Стоящего в шаге от неё, с маской на лице и чем-то незнакомым в глубине тёмных глаз.

— Что это было? — спросила она. Голос был хриплым, будто она кричала несколько часов. Что, вероятно, и было правдой.

— Видение, — ответил он ровно. — Ваша магия выходит из-под контроля. Когда это происходит, ваш разум ловит обрывки чужих мыслей и разговоров. Это опасно. Для вас и для окружающих.

— Вы знали об этом.

— Я знал, что вы представляете опасность, — поправил он. — Это не одно и то же.

— И поэтому вы заставили меня сидеть над котлом? — Она усмехнулась без веселья. — Вместо того чтобы помочь? Объяснить, что со мной происходит?

— Я не обязан вам ничего объяснять, мисс Лукьена. — Его голос стал жёстче. — Я не ваш друг. Я не ваш наставник. Я преподаватель, который получил указание присматривать за вами. И, как выяснилось, не зря.

— Присматривать? — Она села ровнее. — Вы сняли с меня пятьдесят очков. Вы унижали меня перед всем классом. Вы заставили меня сидеть над зельем, как наказанного ребёнка. Это не присмотр. Это издевательство.

— Это была отработка, — сказал он холодно. — За выброс магии, который мог покалечить студентов. И, если вы помните, вы сами усугубили своё положение.

— Потому что вы вели себя как… — Она запнулась, подбирая слово. — Как тиран.

— Как кто? — Он поднял бровь. — Продолжайте. Договаривайте. Как изверг? Как человек, который не испытывает к вам ни капли симпатии?

— Да, — сказала она прямо. — Именно так.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В нём не было гнева. Было что-то другое — усталое, почти обречённое.

— Мисс Лукьена, — сказал он наконец, — вы находитесь в Хогвартсе меньше суток. За это время вы устроили выброс магии в Большом зале, чуть не покалечили студентов, услышали разговор, который не предназначен для ваших ушей, и потеряли сознание от боли, которую я, — он выделил это слово, — был вынужден забирать, рискуя собственным рассудком. И после всего этого вы хотите, чтобы я извинялся за то, что был с вами резок?

Лена молчала. Ей хотелось сказать что-то колкое, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Не во всём, но в главном: она действительно была проблемой. Ходячей, дышащей, неконтролируемой проблемой.

— Я не просила, чтобы меня сюда привозили, — сказала она тихо. — Я не просила эту магию. Я не просила это пророчество. Я просто… хотела жить своей жизнью.

— У вас больше нет своей жизни, — сказал он. — И чем скорее вы это поймёте, тем легче будет всем. Включая вас.

Он поднялся с табурета и отошёл к столу. Налил в стакан воды из графина и вернулся, протянув его ей.

— Пейте, — сказал он. — Это не зелье. Просто вода.

Она взяла стакан. Пальцы всё ещё слегка дрожали. Сделала глоток. Вода была холодной и чистой, и это было неожиданно приятно.

— Вы забрали мою боль, — сказала она, глядя в стакан. — Тогда. Вы могли просто вызвать Помфри. Или оставить меня здесь. Но вы забрали её. Почему?

Он молчал. Долго. Слишком долго.

— Потому что это был мой долг, — сказал он наконец. — И потому что я не хотел, чтобы вы умерли в моём кабинете.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который вы получите.

Она подняла на него глаза. Его лицо снова было маской. Но что-то в нём изменилось — неуловимо. Может, в том, как он стоял. Может, в том, как смотрел.

— Я не доверяю вам, — сказала она прямо.

— Взаимно, — ответил он.

— Но я не могу игнорировать то, что вы сделали. — Она поставила стакан на пол. — Вы спасли меня. Не знаю зачем. Не знаю, что вами двигало. Но спасли. И я это запомню.

— Запоминайте что хотите, мисс Лукьена, — сказал он. — Это не изменит моего отношения к вам.

— А какое у вас отношение ко мне?

Он посмотрел на неё. В его тёмных глазах мелькнуло что-то — быстрое, почти неуловимое.

— Вы — гриффиндорка, — сказал он. — Этого достаточно.

Она усмехнулась. Впервые за весь разговор — искренне.

— Вы знаете, — сказала она, — вы не такой страшный, как хотите казаться.

— А вы не такая смелая, как пытаетесь выглядеть, — парировал он.

Они посмотрели друг на друга. И в этом взгляде было что-то новое — не доверие, нет. Скорее — взаимное узнавание. Двое людей, которые не нравятся друг другу, но которые по какой-то причине оказались в одной лодке.

— Вам нужно вернуться в башню, — сказал он, отводя взгляд. — Уже поздно.

— Я знаю дорогу.

— Не сомневаюсь. — Он помолчал. — Но я вас провожу. До лестницы.

— В этом нет необходимости.

— В этом есть необходимость, — сказал он. — Если вы снова упадёте в обморок в коридоре, я не хочу, чтобы это было на моей совести.

Она хотела возразить, но поняла, что сил спорить нет. И, честно говоря, после всего, что случилось, идти одной через тёмный замок не хотелось.

— Хорошо, — сказала она. — Провожайте.

Они вышли из кабинета. Коридоры были пустынны, факелы горели тускло, отбрасывая длинные тени на каменные стены. Снейп шёл впереди, и его мантия шуршала по полу.

— Профессор, — сказала она, догоняя его.

— Что?

— То, что я услышала. Про пророчество. Про Поттера. Про битву. — Она помолчала. — Это правда?

Он остановился. Обернулся. Его лицо было в тени, и она не могла разобрать выражения.

— Это не моя тайна, — сказал он. — И не ваша. Пока.

— Но это касается меня.

— Касается, — согласился он. — Но не сейчас. Сейчас вам нужно отдохнуть. Завтра будет новый день. И новые проблемы.

— Вы всегда такой оптимистичный?

— Нет, — сказал он. — Я всегда такой реалистичный.

Они дошли до лестницы. Снейп остановился.

— Дальше вы сами, — сказал он. — Башня Гриффиндора в той стороне. — Он указал направление. — Постарайтесь не упасть по дороге.

— Постараюсь, — сказала она. — Спасибо, профессор.

Он ничего не ответил. Просто развернулся и ушёл. Его шаги стихли в темноте коридора.

Лена постояла ещё немного, глядя ему вслед. Потом вздохнула и начала подниматься по лестнице.

Она не доверяла ему. Не доверяла ни на грош. Но где-то в глубине души, в самой её тёмной и неудобной части, она понимала: этот человек только что спас ей жизнь. И, возможно, это было не просто «долгом». Возможно, это было что-то, чего он сам ещё не понимал.

Как и она сама.

Глава 6

Елена очнулась в больничном крыле, не зная, сколько времени она там находится. Висок ныл глухой, ноющей болью, а в горле стоял привкус меди и горьких трав. Медленно, будто сквозь густой сироп, она поднялась на локтях и огляделась.

Помещение было залито мягким послеполуденным светом, падавшим через высокие стрельчатые окна. Койки, выстроенные в аккуратные ряды, были в основном пусты. Лишь в дальнем углу тихо перешёптывались две девочки с перебинтованными головами, похожие на неудачливые мумии. У окна старшекурсник со сломанной рукой, зафиксированной в причудливом угловатом положении, упорно пытался одной рукой листать увесистый фолиант. Но больше всего её внимание привлекла фигура, полностью закутанная в бинты, лежащая неподвижно на соседней койке. От неё исходил сладковатый, лекарственный запах, и лишь едва заметное движение грудной клетки выдавало, что пациент жив.

«Я умерла, что ли? Что с ними такое?» — пронеслось в голове, смешанное с ужасом и острой жалостью. Этот мир был так жёстко не похож на тихую библиотеку и звёздные карты, к которым она привыкла.

Мысли прервало мягкое шуршание мантий. К ней приближалась женщина с добрым, но усталым лицом, несущая поднос, уставленный сверкающими пузырьками.

— Здравствуй, Елена, — голос её был спокойным и тёплым, как чашка чая в холодный вечер. Она поставила поднос на прикроватный столик. — Как себя чувствуешь? Голова болит?

— Здравствуйте, э-э… — Лена запнулась, теряясь в обращении.

— Ох, милая. — Женщина с лёгкой улыбкой положила ладонь ей на плечо, и от этого прикосновения стало чуть спокойнее. — Меня зовут мадам Помфри. Я целительница Хогвартса.

— Приятно познакомиться. — Лена попыталась улыбнуться в ответ, но мышцы лица слушались плохо. — Ощущаю себя… странно. Голова немного покалывает. Что со мной случилось? Я помню, что была в кабинете зельеварения у профессора Снейпа… а потом…

Она замолчала, пытаясь выловить из темноты хоть что-то. Вспышка белой, всепоглощающей боли. Звон в ушах. И провал.

— А потом ничего. Как я здесь оказалась?

Мадам Помфри поставила поднос с лёгким, едва слышным стуком. Её движения стали чуть более собранными, профессиональная маска слегка сместилась, уступив место лёгкой настороженности.

— Тебя нашли без сознания недалеко от кабинета зельеварения неделю назад, — её голос был ровным, но в нём появилась та самая осторожность, с которой говорят о щекотливых темах. — Состояние было… сложным. Стабильным, но глубоким. Профессор Снейп… оказал первую необходимую помощь на месте, прежде чем тебя доставили сюда.

— Первую помощь? — Елена попыталась представить сурового профессора, склонившегося над её телом. Картина не складывалась. — Что… что именно со мной было?

— Скажем так, сильнейшее ментальное потрясение, осложнённое физическим истощением, — Помфри говорила обтекаемо, выбирая слова. — Точный диагноз требует дальнейшего наблюдения. Но кризис миновал. Сейчас важно восстановление. Выпей эти зелья.

Она указала на флаконы. Елена взяла первый, с серебристой жидкостью.

— А эти зелья… он их…? — Она не закончила вопрос, но понимание мелькнуло в её взгляде. Кто ещё в этой школе мог быть причастен к «сложному случаю», случившемуся прямо у его кабинета?

— Стандартный протокол восстановления после ментальных травм, — ответила Помфри, но её глаза на мгновение опустились к маленькой, ничем не примечательной склянке с

густой жидкостью цвета запёкшейся крови, лежавшей отдельно. — Все составляющие проверены и одобрены. Процедура обычная.

Елена заметила этот взгляд. Она протянула руку к той самой отдельной склянке.

— И это тоже? «Стандартный протокол»?

Мадам Помфри на секунду замерла. Её пальцы слегка поправили складки халата.

— Это… дополнительный стабилизатор. Для предотвращения рецидивов, — её голос звучал ровно, но в нём появилась сталь. — Его применение было… сочтено необходимым. Вкус отвратителен, но эффективность доказана. Пей залпом.

Она не назвала имени. Не сказала «он». Но в её тоне, в этой тщательной нейтральности, читалось больше, чем в прямом признании. Было сочтено необходимым. Кем?

Елена открыла флакон. Запах был не просто горьким — он был резким, колючим, пахнущим железом, полынью и чем-то неузнаваемым, древним. Она выпила. Горечь обожгла горло, заставив её содрогнуться, но почти сразу же по телу разлилась волна сконцентрированной, целенаправленной ясности. Туман в голове рассеялся, будто его смахнули твёрдой рукой.

— Сильное, — выдохнула она, чувствуя, как остатки боли отступают перед этой холодной, безжалостной эффективностью.

— Так и должно быть, — кивнула Помфри, наблюдая за её состоянием с профессиональным прищуром. — Курс рассчитан на три дня. И… это тоже передали. — Она поставила рядом простую жестяную коробочку без опознавательных знаков.

Внутри лежали три квадратика совершенно чёрного, матового шоколада.

— Для смягчения послевкусия, — пояснила целительница, и её губы сжались в тонкую ниточку. — Стандартная практика. Ничего особенного.

Елена взяла один. Шоколад был на удивление… нейтральным. Не сладким, не горьким. Он просто растворялся, оставляя ощущение чистоты, стирая память о горечи, но не давая взамен никакого удовольствия. Это было не лакомство. Это был антидот. Точный, безличный, безупречно выполненный.

— Понятно, — тихо сказала она, глядя на пустой флакон. Теперь она знала. Помнить — не помнила. Но знала. Только один человек в этой школе мог создать что-то настолько действенное и настолько лишённое всякого намёка на утешение. Только один человек имел причины и возможности вмешаться, но при этом позаботиться, чтобы его участие выглядело как холодный профессиональный долг.

— Отдыхай, — сказала мадам Помфри, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на… понимание? Нет, скорее на предостережение. — И, если что-то — что угодно — повторится, приходи сразу. Не задумываясь.

После её ухода Елена лежала, ощущая во рту привкус металла и полыни, который не мог перебить даже самый безупречный антидот. Она смотрела на простую жестяную коробку. В памяти зияла дыра, но в самой ткани её реальности теперь зияла другая дыра — осознание того, что Северус Снейп, по какой-то причине, вмешался. И сделал всё возможное, чтобы это выглядело так, будто он этого не делал.

Ближе к ужину мадам Помфри, тщательно проверив её пульс и реакцию зрачков, наконец позволила ей покинуть больничное крыло.

— Отправляйся в башню, приведи себя в порядок, — сказала она, и в её тоне звучала привычная деловитость, но взгляд был мягче обычного. — И постарайся поужинать. Твой организм нуждается в восстановлении сил.

По пути в гриффиндорскую башню Лена ловила на себе взгляды учеников. Шёпот, быстро стихавший при её приближении, красноречиво говорил о том, что её недельное отсутствие не осталось незамеченным. В спальне было пусто — все были уже в Большом зале. Она с благодарностью упала на свою кровать, на мгновение закрыв глаза. Неделя… Целая неделя вырвана из жизни. И зачем?

Открыв свой сундук, она с удивлением обнаружила, что вещи аккуратно сложены, а книги расставлены на тумбочке. Кто-то приходил? Мысль была одновременно тёплой и тревожащей. Она быстро приняла душ, смывая с себя запах лечебных трав и больничной стерильности. Подбирая одежду, она на секунду задумалась, потом надела простую тёмно-зелёную тунику — ничего кричащего. Косметикой пыталась скрыть остаточную бледность, но тени под глазами всё равно выдавали пережитое.

Спускаясь по лестнице в Большой зал, она чувствовала лёгкое головокружение. Шум голосов, смех, звон посуды — всё это обрушилось на неё после недели тишины. Она замерла в дверях, осматриваясь.

— ЛЕНА!

Громкий крик прозвучал со стороны гриффиндорского стола. Первыми сорвались с места Фред и Джордж, расталкивая на пути всех, включая слегка возмущённого Перси.

— Живая! — крикнул Фред, уже в двух шагах.

— Мы уже думали, Снейп пустил тебя на ингредиенты! — добавил Джордж, и они почти одновременно обхватили её в объятия, подняв на несколько сантиметров от пола.

— Отпустите, идиоты! — Лена слабо стукнула Фреда по плечу. — Я вам не мешок с картошкой.

— Ты хуже, — заявил Фред, опуская её на пол. — Ты мешок с сюрпризом. Неделю не открывался, и мы уже думали, что там внутри что-то сломалось.

— Мы серьёзно, — Джордж встал рядом, и его улыбка вдруг стала тусклее. — Мы приходили к Помфри. Три раза. Она нас выгоняла.

— Говорила, что ты «нездорова», — Фред скрестил руки. — «Нездорова» — это когда простуда. Или когда съел что-то не то. А когда человек пропадает на неделю и его не пускают даже проведать — это не «нездорова». Это что-то другое.

— Мы хотели устроить диверсию, — с гордостью сообщил Джордж. — Пробраться в больничное крыло под видом целителей. У нас даже были мантии.

— Где вы их взяли?

— Сшили, — Фред пожал плечами. — Из старых простыней. Выглядели почти как настоящие. Если не приглядываться.

— И что вас остановило?

Близнецы переглянулись.

— Гермиона, — признался Джордж. — Она сказала, что если мы ворвёмся в больничное крыло в самодельных мантиях, Помфри нас заколдует так, что мы неделю будем квакать.

— Она была права, — добавил Фред. — Мы проверили. На себе. Заклинание работает.

Лена не выдержала и фыркнула. Впервые за неделю — по-настоящему.

— Вы невозможны, — сказала она.

— Мы знаем, — хором ответили они.

За ними уже бежали Гарри, Рон и Гермиона, их лица выражали искреннее облегчение.

— Где ты пропадала? — спросил Гарри, когда близнецы наконец её отпустили. — Профессор МакГонагалл сказала только, что ты «нездорова».

— Да, нас даже не пускали к тебе, — хмуро добавил Рон. — Помфри рычала, как трёхголовый пёс.

— Мы очень волновались, — тихо, но твёрдо сказала Гермиона, разглядывая её с профессиональным, почти материнским видом. — Ты выглядишь… уставшей.

— Я… я сама не очень понимаю, что случилось, — честно призналась Лена, позволяя потоку друзей окружить себя и подвести к столу. — Очнулась только сегодня. Всё как в тумане.

Она села, и вокруг неё мгновенно возник оживлённый гул расспросов, которые она мягко, но настойчиво отклоняла, ссылаясь на усталость и приказы Помфри. Наливая себе тыквенного сока, она почувствовала на себе тяжёлый, пристальный взгляд.

Подняв глаза, она встретилась взглядом с Северусом Снейпом. Он сидел за преподавательским столом, не притрагиваясь к еде. Его чёрные глаза изучали её с холодной, аналитической интенсивностью, но в них не было того пронизывающего давления, которое она чувствовала в его кабинете. Он не пытался лезть в её мысли. Он просто… наблюдал. Как будто проверял результат сложного эксперимента. Она быстро отвела взгляд, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

— Он смотрит на тебя, — тихо сказал Джордж, проследив за её взглядом.

— Пусть смотрит, — буркнула Лена.

— Нет, ты не поняла. — Джордж наклонился ближе, и его голос стал серьёзным. — Он смотрит на тебя. Не на нас. Не на Гриффиндор. На тебя. Конкретно. Уже минуты две.

— Может, он просто проверяет, не упаду ли я лицом в тарелку, — попыталась отшутиться Лена.

— Снейп не проверяет, не упадёт ли кто-то лицом в тарелку, — возразил Фред. — Снейп проверяет, не замышляет ли кто-то что-то. И если он смотрит на тебя так, значит, он думает, что ты замышляешь.

— Я не замышляю.

— Вот и мы так думаем. А он — нет. — Фред откинулся на скамье. — Что между вами произошло? В том кабинете?

Лена замерла. Вопрос был простой, заданный без нажима, но она почувствовала, как напряглись плечи.

— Ничего, — сказала она. — Я потеряла сознание. Он вызвал Помфри. Всё.

— «Ничего», — повторил Фред, и в его голосе не было веры. — Ты пропала на неделю. Помфри не пускала нас. А Снейп, который весь семестр делал вид, что тебя не существует, вдруг смотрит на тебя так, будто ты — единственное, что имеет значение в этом зале.

— Может, он просто… изменил мнение, — тихо сказала Лена.

— Снейп не меняет мнений, — отрезал Джордж. — Снейп меняет тактику. Это другое.

Лена не ответила. Она смотрела в тарелку, чувствуя, как в груди сжимается что-то тёплое и болезненное. Близнецы были правы. И она не могла им сказать правду. Не сейчас. Может, никогда.

После ужина они не отпустили её. Фред и Джордж подхватили её под руки и потащили в гостиную, не слушая возражений.

— Ты неделю не видела нормального веселья, — заявил Фред. — Это преступление против человечности.

— Я устала, — попыталась сопротивляться Лена.

— Усталость — это состояние души, — сказал Джордж. — Мы его вылечим.

В гостиной они усадили её в кресло у камина и устроились по обе стороны. Гарри и Рон сели напротив, Гермиона — на диван сбоку.

— Итак, — Фред хлопнул в ладоши. — Начнём с самого важного. Как ты себя чувствуешь? По-настоящему?

Лена посмотрела на него. На его лицо — без обычной ухмылки, серьёзное. На Джорджа — с тем же выражением. На Гермиону, которая смотрела на неё с тихой тревогой.

— Странно, — сказала она наконец. — Как будто я вернулась, но не до конца. Как будто часть меня осталась… там.

— Там — это где? — тихо спросил Джордж.

— Не знаю. — Она пожала плечами. — В том кабинете. В той боли. В том… что было после.

— Мы можем что-то сделать? — спросил Фред.

— Вы уже делаете. — Она слабо улыбнулась. — Вы здесь. Это… больше, чем я ожидала.

— Это минимум, — отрезал Джордж. — Это не «больше». Это базовый уровень. Ты — наша. А мы за своих… — он сделал паузу, подбирая слово, — …держимся.

— Крепко, — добавил Фред.

— Крепко, — подтвердил Джордж.

— Спасибо, — прошептала Лена, и на этот раз её улыбка была настоящей.

— Ладно, — Фред хлопнул в ладоши, и его голос снова стал деловым. — Теперь к делу. Мы тут кое-что придумали. Пока тебя не было.

— Что-то — это что? — с подозрением спросила Лена.

— Мы хотим провести расследование, — сказал Джордж.

— Расследование чего?

— Снейпа, — ответил Фред.

Лена замерла.

— Что?

— Не смотри на нас так, будто мы предлагаем тебе съесть жабу, — сказал Джордж. — Мы серьёзно. Мы тут кое-что выяснили.

— Что вы выяснили? — Лена почувствовала, как холодеет внутри.

— Снейп получает странные посылки, — сказал Фред, понизив голос. — Не через обычную совиную почту. Не через школьных домовых. Через… специальный канал. Чёрный огонь в камине. В полночь.

— И ещё, — добавил Джордж. — Сэр Бартоломью с портрета у входа в подземелье сказал, что видел, как в прошлую пятницу к нему приходила какая-то женщина в плаще. Через чёрный огонь.

Лена почувствовала, как кровь отливает от лица. Она знала, о чём они говорят. Это был способ связи Пожирателей. Но как они могли…

— Что? — её голос прозвучал хрипло. — Откуда вы знаете?

— У нас есть свои источники, — ухмыльнулся Джордж, но улыбка не дотягивала до глаз. — Старый сэр Бартоломью обожает хорошие шутки и терпеть не может Снейпа. За пару «Ушей-вертушек» и историю о том, как мы подменили мыло Филча на мыло-липучку, он стал довольно разговорчивым.

— Вы следите за ним? — Лена не могла скрыть настоящего ужаса. — Вы с ума сошли! Если он узнает… если он даже заподозрит…

— Пусть узнает! — горячо выпалил Фред, и его глаза загорелись той самой безрассудной храбростью, которая так пугала миссис Уизли. — Мы не позволим ему делать с тобой что захочет! Мы выясним, что он замышляет, с кем тайно общается! Если это что-то опасное…

— Нет! — Лена схватила его за руку так крепко, что он вздрогнул. — Фред, пожалуйста, умоляю тебя, остановись. Ты не понимаешь, во что ввязываешься! Это не игра! Это…

Она замолчала, закусив губу. Она не могла сказать. Не могла объяснить, что их «расследование» может стоить жизни не только им, но и ему. И, возможно, ей самой.

— Это что? — тихо спросил Джордж, и в его взгляде была не только обида, но и растущая тревога. — Звёздочка, что ты знаешь? Почему ты так его защищаешь?

— Я не могу сказать, — прошептала Лена, отпуская руку Фреда. — Но поверьте мне. Пожалуйста. Оставьте это. Ради меня.

Она видела, как в их глазах борются любовь к ней и ненависть к нему, подозрения и братская забота. И видела, как побеждает последнее — пока что. Но ненадолго.

— Ладно, — сказал Фред наконец, и его голос был тихим. — Ладно. Мы… подумаем.

— Но мы не отступим, — добавил Джордж. — Просто… дадим тебе время.

Лена кивнула, чувствуя, как в груди сжимается что-то тяжёлое. Они не отступят. Она знала это. И знала, что рано или поздно им придётся узнать правду. Или — что ещё хуже — они узнают её сами.

Ночь тянулась медленно. Лена лежала в постели, глядя в потолок, и слушала, как Гермиона тихо сопит в соседней кровати. Сон не шёл. В голове крутились обрывки разговоров, лица, голоса. И где-то на границе сознания — тихий, настойчивый шёпот: «Слабая… Ниточка…»

Она перевернулась на бок, натянула одеяло до подбородка. И вдруг почувствовала это. Присутствие. Чужое, но знакомое. Тяжёлое, тёмное, но не враждебное. Как ментальное одеяло, накинутое поверх её паники. Его щит. Он почувствовал её кошмар через связь и… отреагировал. Не вторгаясь. Просто создав барьер между её страхом и реальностью.

Она прижала ладони к лицу, чувствуя, как по щекам текут слёзы облегчения. Он не спал. Он бодрствовал и… охранял.

Сова сидела на подоконнике, её жёлтые глаза светились в темноте. Она смотрела на Лену — и в этом взгляде было что-то древнее, понимающее. Будто она знала больше, чем могла сказать.

Утро началось с совиной почты. За завтраком большая серая сова опустила Лене на колени небольшой конверт. Почерк матери, но неровный, торопливый, буквы съезжали. Сердце ёкнуло.

Она вскрыла конверт дрожащими пальцами.

«Леночка, родная. Только не пугайся. С тётей Олей случилось несчастье. Автомобиль. Они все были в машине. Мальчики целы, слава богу, сейчас у меня, но они в страшном шоке, молчат, смотрят в одну точку. Кажется, они не до конца осознают, что произошло. Бабушка от неё не отходит. За Олю борются врачи, но… а я одна с ними, и у меня… у меня сил не хватает. Приезжай, пожалуйста, на выходные. Очень нужно, чтобы ты была здесь. Срочно. Крепко обнимаю. Мама.»

Лена перечитала строки, и мир вокруг потерял цвет и звук. Тётя Оля… вторая мама. Автомобиль. Больница. Братики в шоке… «Врачи борются, но…» Это «но» висело в воздухе лезвием гильотины. Мама, всегда такая несгибаемая, писала: «сил не хватает». Эти слова ударили сильнее любого проклятия.

Холодный ком в животе стал глыбой льда. Весь последующий день Лена существовала как автомат. На уроках она слышала голоса сквозь толщу воды, её собственные ответы звучали чужими. Она сжирала себя изнутри, рисуя в воображении самые страшные картины: тётю, привязанную к больничной койке, братьев с пустыми, испуганными глазами, мать на грани срыва. Её внутренний стержень, та самая твёрдость, которую она с таким трудом выковала за месяцы, начал трещать и рассыпаться. Она чувствовала себя ужасно уязвимой, как будто с неё содрали кожу, обнажив все нервные окончания.

Сова не отходила от неё. Сидела на плече в библиотеке, на спинке стула в классе, на подоконнике в гостиной. Её жёлтые глаза следили за Леной, и в них было что-то, от чего Лена чувствовала себя чуть менее одинокой. Будто сова знала. Будто сова видела то, что Лена не могла.

Вечером, запершись в туалетной комнате гриффиндорской башни, она наконец позволила себе то, что сдерживала весь день. Засунув угол подушки в рот, чтобы заглушить звук, она билась в беззвучных, сотрясающих всё тело рыданиях. Слёзы лились ручьями, но крик оставался внутри, превращаясь в тихую, душераздирающую икоту. Она теряла контроль.

И тогда случилось.

Сжавшаяся в её груди чёрная глыба горя, страха и беспомощности не нашла выхода в крике. Она нашла его в магии. Волна дикой, неконтролируемой энергии вырвалась из неё, как ударная волна. Лампочки в туалетной комнате взорвались с хлопком, лопнувшими хрусталиками дождём посыпавшись на каменный пол. Зеркало треснуло паутиной из центра, исказив её заплаканное отражение до неузнаваемости. По стенам пробежали ледяные узоры инея, хотя в помещении было тепло. Запах озона и полыни повис в воздухе.

Лена замерла, всхлипывая, и уставилась на последствия. Выплеск магии. Впервые за долгие месяцы жёсткого контроля. Она не просто потеряла контроль над эмоциями — она потеряла контроль над силой. И это было в тысячу раз страшнее. Мысли о Карроу, который мог почувствовать такой всплеск, о гневе Снейпа, о том, что она нарушила его главное правило — контроль, — всё это промелькнуло и утонуло в новом, всепоглощающем ужасе. Она была окончательно и бесповоротно разбита. Ничего не имело значения, кроме той беды, что случилась дома.

На уроке зельеварения она работала на автомате. Движения были точными, но бездушными. Она не заметила, как Драко Малфой, проходя мимо её стола, намеренно задел её плечо локтем.

— Ой, извини, — сказал он сладким, ядовитым тоном. — Не помешал? А то у тебя вид такой потерянный… Может, твой личный тьмун наконец устал нянчиться с магглородкой и показал, где твоё место? В грязи.

Она даже не вздрогнула. Оскорбление не долетело, потерявшись в гуще её собственного страха. Она просто тупо посмотрела на него.

Но голос, холодный и режущий, как лезвие, прогремел со стороны преподавательского стола:

— Малфой.

Драко замер.

— Пятнадцать очков со Слизерина, — произнёс Снейп, не повышая тона, но каждое слово падало, как камень. — За неуместную болтовню, нарушающую рабочий процесс. И эссе. Два пергамента. О последствиях словесной небрежности в зельеварении и о культуре общения на моём уроке. К пятнице. Если следующее слово слетит с твоего языка до конца занятия, это будут уже не очки, а неделя отработок в госпитале. Понятно?

В классе повисла гробовая тишина. Отнимать так много очков за словесную перепалку — это было неслыханно даже для него. Малфой побледнел, открыл рот, но, встретив абсолютно пустой, ледяной взгляд, закрыл его и кивнул, опустив голову.

Снейп повернулся, его взгляд на мгновение скользнул по Лене. В нём не было ни капли жалости, лишь холодная констатация факта: «Я вижу. Я замечаю. Твоё состояние неприемлемо.»

Перед самым звонком он снова подошёл к её столу, якобы проверяя консистенцию зелья.

— Лукьена, — сказал он тихо, так, чтобы не слышали другие. — Останьтесь после урока. Мне нужно с вами поговорить.

Его тон не допускал возражений. Но когда прозвенел звонок и ученики начали шумно расходиться, в Лене что-то сорвалось. Мысли о доме, ощущение беспомощности, его пронизывающий взгляд — всё смешалось в один клубок паники. Она не могла сейчас. Не могла выносить его вопросов, его анализа, его холодного, методичного вскрытия её страха. Ей нужно было бежать. Просто бежать.

Схватив сумку, она, не глядя на него, ринулась к двери в толпе гриффиндорцев, растворилась среди них и выбежала в коридор.

Она почувствовала, как в спину ударил сноп острого, яростного внимания. Через связь, как удар хлыстом, пролетела вспышка холодного, почти белого от гнева недоумения. «Убегает?! Снова действует на эмоциях, не думая… Глупая, непослушная…» Но под слоем гнева был и другой, тревожный оттенок. Он планировал взять ситуацию под контроль, оценить угрозу, обсудить план. А она своим побегом выбила у него почву из-под ног, оставив его с нарастающей, неопределённой тревогой, которую он теперь вынужден был отслеживать дистанционно, без возможности вмешаться.

Вечер тянулся мучительно долго. Лена сидела в гостиной, пытаясь делать домашнее задание, но буквы на пергаменте плясали перед глазами. Её собственная магия, обычно тихая и

послушная, теперь едва ощутимо покалывала под кожей, напоминая о вечернем выплеске. Этот внутренний шторм был новым, пугающим состоянием. Она не просто боялась за семью. Она боялась самой себя, этого непредсказуемого срыва, который мог повториться в любой момент.

Близнецы появились в гостиной около девяти. Они не подошли сразу — сначала устроились в креслах напротив, переглянулись, и только потом Фред сказал:

— Ну что, звёздочка. Мы тут посовещались. И решили, что ты нам кое-что должна.

— Что? — Лена подняла на него усталый взгляд.

— Правду, — сказал Джордж. — Или хотя бы её часть. Не всю. Мы понимаем, что есть вещи, о которых ты не можешь говорить. Но мы не идиоты, Лена. Мы видим, что происходит.

— И что, по-вашему, происходит? — тихо спросила она.

— Ты тонешь, — сказал Фред просто. — А мы не знаем, как тебя вытащить. И это бесит.

Лена посмотрела на него. На его лицо — без шутки, без ухмылки. На Джорджа — с тем же выражением. На Гермиону, которая сидела в стороне и делала вид, что читает, но на самом деле слушала каждое слово.

— Я не могу рассказать, — сказала она наконец. — Не потому, что не хочу. Потому что не могу. Это… не моя тайна.

— Чья? — спросил Джордж.

— Не могу сказать.

Близнецы переглянулись.

— Хорошо, — сказал Фред, и его голос был спокойным. — Тогда просто… знай, что мы здесь. Что бы это ни было. Мы не уйдём. И если тебе понадобится помощь — любая, в любое время, — мы сделаем.

— Даже если это будет что-то, что вам не понравится? — спросила Лена.

— Особенно если это будет что-то, что нам не понравится, — сказал Джордж. — Потому что это будет значить, что тебе действительно нужна помощь.

Лена посмотрела на них и почувствовала, как в груди что-то сжимается. Они были невозможны. Они были невыносимы. Они были её людьми.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари, — сказал Фред. — Просто… не пропадай. Хорошо?

— Хорошо.

Глубокой ночью, когда часы в гриффиндорской башне пробили два, Лена лежала на кровати, уставившись в темноту. Беззвучные слёзы медленно стекали по вискам и впитывались в подушку. В голове крутился один и тот же безнадёжный круг: «Домой. Надо домой. Как? Нельзя. Надо домой. Мама, мальчики, тётя… Как?» Разум, измученный страхом и горем, отказывался работать. Остались только инстинкт и всепоглощающая, физическая потребность быть там.

И тогда в ней что-то окончательно оборвалось. Мысли остановились. Осталось одно слепое, отчаянное действие.

Она поднялась с кровати. Даже не накинув мантию поверх короткой пижамной майки и шорт, босиком, она схватила палочку. Движение было механическим, лишённым всякого смысла, кроме одного — скрыться. «Велис…» — прошептали её губы, и чары невидимости окутали её ледяным покрывалом. Она не думала о том, что делает. Она уже была этим действием.

Призраком она выскользнула из спальни и понеслась по спящему замку. Каменные полы леденили босые ступни, но она не чувствовала холода. Она не чувствовала ничего, кроме жгучей потребности добраться до единственного места, которое сейчас ассоциировалось с возможностью что-то изменить.

Сова летела за ней. Беззвучно, как тень. Её жёлтые глаза светились в темноте, и она не отставала ни на шаг.

Дверь в его покои в подземелье была массивной и обычно запертой. Но сейчас, в два часа ночи, она поддалась её отчаянному толчку — или он, почуяв её дикое, неконтролируемое состояние через связь, на секунду ослабил защиту. Лена ворвалась внутрь.

Северус Снейп не спал. Он стоял у камина в простых чёрных брюках и рубашке с закатанными до локтей рукавами, лицо было обращено к огню, но взгляд был пустым, погружённым в тяжёлые размышления. Резкий звук открывающейся двери заставил его вздрогнуть и молниеносно развернуться, палочка уже в руке. Но вместо угрозы он увидел… пустоту в дверном проёме. И почти сразу — сбой в заклинании невидимости, не выдержавшее шторма её эмоций.

Призрачный силуэт задрожал и проступил в воздухе.

И он увидел. Лукьена. Почти нагая, в одной тонкой, короткой пижамной майке и шортах, едва прикрывавших бёдра. Босая, с ногами, покрасневшими от холода каменных коридоров. Вся дрожащая, с лицом, искажённым немым страданием и застывшими на щеках слезами. А за её плечом, в дверном проёме, сидела сова — неподвижная, как изваяние, и её жёлтые глаза смотрели прямо на него.

— Лукьена, как ты… — вырвалось у него резко, почти автоматически, голос, полный гневного, преподавательского укора за этот немыслимый ночной визит, за её вид. Но он осёкся на полуслове. Фраза повисла в воздухе, оборванная, потому что в этот миг его мозг наконец полностью обработал картину перед ним: не просто нарушение правил, а абсолютная, душераздирающая потерянность. Его взгляд скользнул по её босым ногам, по лицу, залитому слезами, встретился с её глазами.

Её глаза, обычно такие ясные, напоминали Марианскую впадину — тёмные, бездонные и полные невысказанной, давящей глубины. А теперь они были ещё и сырыми — опухшими от слёз, с воспалёнными, покрасневшими веками, что делало её взгляд одновременно беззащитным и пугающе опустошённым. В них не было ни искорки, ни тени того лазурного, задорного отсвета, который он порой ловил в её взгляде во время удачного заклинания или редкой улыбки. Это был взгляд полной капитуляции души.

Снейп стоял, окаменев. Его мир, выстроенный из холодного расчёта, жёсткого контроля и чётких границ, треснул вдребезги в этот момент. Он видел перед собой не ученицу, не подопечную, не «проблему». Он видел человека, раздавленного горем до полной потери себя. И её отчаяние било в него не только через связь — оно било физически, волной леденящего ужаса и боли, которую он чувствовал почти как свою собственную.

Его первым порывом, глубоко укоренённым, было отступить. Резко сказать «встань», «приди в себя», «как ты смеешь». Но слова застряли в горле. Его собственное дыхание стало неровным. Он видел её босые, покрасневшие от холода ноги, её трясущиеся плечи, этот взгляд, полный немого ужаса. И что-то в нём, что-то давно забытое и похороненное, сжалось от острой, невыносимой жалости.

Он не успел ничего больше сказать. Её ноги подкосились, и она рухнула на колени прямо на холодный каменный пол его кабинета.

— Пр-прошу… — выдавила она, захлёбываясь воздухом и слезами. — Помоги… уехать… прошу… Северус… прошу…

И с каждым её «прошу», с каждым надрывным всхлипом давление в комнате начало меняться. Воздух загустел, зарядился статикой. Её неконтролируемая магия, выбитая из равновесия горем и паникой, отозвалась на её мольбу. С полок в дальнем углу кабинета послышался лёгкий шорох, затем сухой стук. Старинные фолианты в тяжёлых переплётах оторвались от своих мест и зависли в воздухе, колышась, как осенние листья на невидимом ветру. Пыль с их страниц закружилась в лунном свете. На столе зашелестели бумаги, приподнимаясь краями. В воздухе запахло озоном и раскалённым камнем.

Снейп оторвал взгляд от неё и резко оглядел комнату. Его собственные защитные чары дрогнули под натиском её дикой энергии. Это было не просто эмоциональное излияние. Это была магическая буря, исходящая из самого её ядра, и она была на грани полного прорыва.

Сова в дверях не двинулась. Но её глаза — её жёлтые, древние глаза — вспыхнули. И в этом свете было что-то, от чего даже Снейп на секунду замер. Будто сова знала. Будто сова видела. Будто сова была не просто птицей, а чем-то большим.

Он не оттолкнул её. Он медленно, почти неуверенно, опустился перед ней на одно колено, стараясь оказаться на одном уровне. Его движения были неестественно осторожными, как если бы он боялся спугнуть раненое животное.

— Лена… — его голос прозвучал тихо, хрипло, без привычной металлической окраски. Он даже не заметил, что назвал её по имени. — Лена, дыши. Слушай мой голос. Дыши.

Он не пытался её поднять. Он просто был там, блокируя её панику своим присутствием. Через связь он послал не приказ, не укор, а… якорь. Твёрдый, спокойный импульс: «Ты не одна. Я здесь.»

Он дал ей время, позволив волне магии немного улечься под его спокойным, но непреклонным ментальным давлением. Книги на полках медленно опустились, воздух перестал вибрировать.

— Что случилось? — спросил он, когда её рыдания немного поутихли, превратившись в прерывистые всхлипы. — Письмо. Ты читала. Что там?

Она, не поднимая головы, судорожно кивнула и, дрожащими руками, попыталась достать из несуществующего кармана пижамы смятый листок. Он мягко остановил её движение и сам взял письмо со стола, куда она, видимо, бросила его, вбегая. Его глаза быстро пробежали по строчкам. Лицо оставалось маской, но глубокие вертикальные морщины у рта стали резче. «Автомобиль… все в машине… врачи борются, но…» И особенно: «сил не хватает».

Он закрыл глаза на секунду. Всё стало на свои места. Эта паника, этот срыв, этот неконтролируемый выплеск магии… Всё из-за этого.

— Встань, — сказал он снова, но теперь в его голосе не было приказа, а была усталая, неизбежная решимость. — Встань, Лукьена.

На этот раз она послушалась, позволив ему помочь ей подняться. Её руки были ледяными. Он не отпустил её сразу, удерживая за предплечья, давая ей опору, чувствуя под пальцами мелкую дрожь.

— Твоя магия, — произнёс он тихо, глядя ей прямо в глаза, пытаясь пробиться сквозь эту сырую, тёмную пустоту, — нестабильна. После такого шока и выплеска она может быть опасна. Для тебя и для других. Ты не можешь путешествовать одна.

Он сделал паузу, внутренне борясь с последними остатками сопротивления. Было безумием даже думать об этом. Но вид её лица, искажённого надеждой и страхом, и эта тихая, всепроникающая боль, которую он делил с ней через связь, перевесили все доводы рассудка.

— Я отвезу тебя сам, — выдохнул он, и слова прозвучали как приговор самому себе. — В Санкт-Петербург. До твоего порога. И пробуду там, пока… пока ситуация не стабилизируется. Пока твоя магия не успокоится.

Он сказал это, и сам не мог до конца поверить в то, что только что произнёс. Это было нарушением всех правил, границ, профессиональной дистанции. Это было личное. Слишком личное.

В её глазах, в тех самых сырых, тёмных глубинах, дрогнуло что-то. Не тот задорный свет, но слабая, дрожащая искра — безумное, потрясённое облегчение. Она снова пошатнулась, и на этот раз он не удержался — обхватил её плечи, не давая упасть. Его собственные пальцы дрожали.

— Сейчас ты останешься здесь, — сказал он, и его голос снова приобрёл оттенок привычного авторитета, но теперь это был авторитет заботы, а не подавления. Он снял с вешалки

у камина свой собственный тёплый, чёрный плащ и накинул его на её дрожащие плечи, утопая её в складках слишком большой для неё ткани. — Ты ляжешь спать. Утром я оформлю всё необходимое у Дамблдора. А потом мы поедем.

Он повёл её, всё ещё дрожащую и почти не осознающую, закутанную в его плащ, к маленькой, аскетичной кровати в смежной комнате, которая служила ему спальней. Уложил, накрыл тяжёлым одеялом поверх плаща. Его движения были неуклюжими, лишёнными привычной уверенности. Он чувствовал себя сбитым с толку, почти оглушённым собственной уступчивостью.

— Спи, — коротко бросил он, гася свет рукой. — Я здесь.

Он развернулся, чтобы уйти, дать ей пространство, позволить погрузиться в забытье, но почувствовал внезапное, цепкое сопротивление. Он обернулся.

В полумраке она поднялась на локте, её рука — маленькая, холодная и удивительно сильная — сжала его запястье сквозь рукав рубашки. Она сидела на кровати, его огромный плащ сбился вокруг неё, а её лицо, всё ещё мокрое от слёз, было обращено к нему.

— Северус, — её голос был хриплым от рыданий, но тихим, почти беззвучным. В её глазах, всё ещё пустых и сырых, мелькнула не детская мольба, а что-то более древнее и страшное — животный страх остаться одной с этим внутренним хаосом. — Прошу… не уходи. Мне страшно. Прошу тебя.

Он не обратил внимания на то, что она назвала его по имени. Не вздрогнул, не сделал замечание. В тот момент это звучало не как дерзость или фамильярность, а как нечто само собой разумеющееся, почти… родное. Эти слова, просто и беззащитно сказанные, ударили в него сильнее, чем любое заклинание. Она не боялась темноты или замка. Она боялась самой себя, того шторма, что бушевал внутри, и в этом состоянии единственной точкой опоры, единственным якорем в реальности был он.

Все его доводы, все соображения о границах, о том, как это выглядит, рассыпались в прах перед этой голой, предельной просьбой. Он замер, чувствуя, как её пальцы дрожат на его руке. Он мог отстраниться. Должен был. Но её взгляд, полный немого ужаса, и эта хрупкая, но цепкая хватка парализовали его волю.

Он молча вздохнул, звук вышел глухим, почти стонущим. Затем,с видом человека, совершающего нечто окончательно необратимое, он опустился на край кровати, не снимая своей руки, но и не приближаясь дальше. Он сел спиной к ней, глядя в темноту комнаты, его силуэт был неподвижной, твёрдой тенью на фоне слабого света из-за приоткрытой двери кабинета.

— Я не уйду, — сказал он просто, и его голос в темноте звучал низко и устало. — Спи, Лена.

Он не обещал больше ничего. Не гладил её по голове, не утешал словами. Он просто был. Присутствовал. И этого, как он интуитивно понял, было единственным, что ей сейчас нужно. Её пальцы постепенно ослабли, но не отпустили его запястье полностью, как будто даже во сне проверяя, что он не исчез. Через несколько минут её дыхание выровнялось, став глубоким и неровным, но уже не истеричным. Она заснула, всё ещё держась за него, как утопающий за соломинку.

А он сидел на краю чужой для него кровати, чувствуя под пальцами её пульс и невероятную тяжесть ответственности, которую только что взвалил на себя. И мир, который он знал, окончательно и бесповоротно изменился.

Сова сидела на подоконнике в кабинете, её жёлтые глаза были устремлены в темноту за окном. Она не спала. Она наблюдала. И в её древнем, немигающем взгляде было что-то, что знало больше, чем мог сказать любой человек. Что-то, что ждало.

А где-то далеко, в холодных коридорах Хогвартса, профессор Эверетт Карроу стоял у окна своей башни и смотрел в ночное небо. Его тонкие губы кривились в улыбке. Он что-то почувствовал. Слабый всплеск. Аномалию. И он знал, что это только начало.

Он медленно повернулся к столу, где лежал старый пергамент с его собственными записями. Строки, которые он выписал много лет назад, всё ещё жгли пальцы. «Две ветви сплетутся в запретный щит». Он не знал, что это значит. Но чувствовал: время пришло. И он будет рядом, когда это случится.

Глава 7

Метель обрушилась на Хогвартс так внезапно, словно само небо решило замести все следы уходящей осени. Середина декабря висела в воздухе колючими снежинками, в сладковатом запахе гирлянд из омелы и в общем, почти осязаемом ожидании праздника. До рождественских каникул оставалось чуть больше недели, и это знание было для Елены Лукьены одновременно якорем и отсрочкой приговора. Две недели — и она сможет убежать. Ненадолго. В мир, где не было палочек, пророчеств и ледяного взгляда профессора Снейпа.

Прошло три месяца с того вечера у Чёрного озера. Три месяца, которые разделили её жизнь на параллельные плоскости.

В одной — яркой, шумной, наполненной смехом и взрывами — она была просто Леной. Гриффиндорской третьекурсницей, которая нашла своих людей. В другой — холодной, безмолвной, пахнущей полынью и старыми книгами — она была призраком. Призраком, которого профессор зельеварения Северус Снейп методично и беспощадно стирал из своего поля зрения.

Он был молод — ей казалось, ему едва ли за тридцать. В его лице не было следов долгой, изнурительной жизни, только резкая, будто выточенная изо льда скульптурность черт: высокие скулы, острый подбородок, тонкий, всегда поджатый рот. Тени под глазами казались не от возраста, а от хронического недосыпа или вечной концентрации. Его молодость чувствовалась в ярости — той сдержанной, взрывной энергии, что клокотала под чёрной мантией, в резких, почти нервных движениях длинных пальцев, когда он писал на доске. Но всё это было спрятано за маской абсолютного, леденящего равнодушия. К ней — особенно.

На его уроках она освоила высшее искусство невидимости. Он парил между столами, его взгляд, острый как бритва, выискивал малейшую ошибку, малейшее колебание. Он высмеивал Невилла до слёз, язвительно комментировал излишнюю аккуратность Гермионы, срывал баллы у Драко за недостаточное рвение. Но на неё он не смотрел. Никогда. Его глаза скользили по ней, как по пустому месту, как по части интерьера — скамье, котлу, окну. Этот тотальный, вежливый игнор вначале резал больнее любой насмешки. Теперь это стало частью ландшафта. Её личной, тихой войной, где противник отказывался признавать само её существование.

Но за пределами сырого подвала зельеварения её мир был оглушительно громким и живым. И центром этого мира были Фред и Джордж Уизли.

Их дружба обрушилась на неё, как лавина, — бесшабашная, верная и требующая полной отдачи. Они не спрашивали о её «приступах», не требовали объяснений, почему она вдруг замирала, бледнея, и хваталась за виски. Они просто были рядом.

— Смотри-ка, звёздочка, что у нас вышло! — Джордж, его лицо было вымазано чем-то фиолетовым и блестящим, с триумфом подбрасывал в воздух жужжащий предмет, похожий на помесь воланчика и разъярённого шершня. — «Забияка для лекций»! Запустишь в аудиторию Снейпа — он будет носиться по потолку и материться голосом Филча! Практически готово!

— Не слушай его, звёздочка, — перебивал Фред, уже вытаскивая из кармана, казалось бы, бесконечную ленту ярко-оранжевого пергамента. — Вот это — прорыв. «Бесконечная шпаргалка-самоучитель». Пишешь вопрос — она выдаёт ответ. Правда, почерк у неё как у пьяного домового, и в объяснениях она любит вставлять каламбуры, но суть-то усваивается!

— Вы серьёзно думаете, что я буду пользоваться шпаргалкой, которая отвечает каламбурами? — Лена скептически подняла бровь.

— А почему нет? — Джордж пожал плечами. — Представь: Снейп спрашивает тебя про свойства лунного камня. А ты ему: «Лунный камень — как хорошая шутка: чем дольше держишь, тем меньше эффекта, но если вовремя отпустить — блеснёт!» И он... ну, он, может, и не засмеётся. Но хотя бы не отравит тебя взглядом.

— Он отравит меня взглядом в любом случае.

— Тогда мы добавим в шпаргалку функцию «противоядие от взгляда», — не растерялся Фред. — Смотри: если он смотрит на тебя дольше трёх секунд, шпаргалка начинает мигать и издавать звук, похожий на кашель Перси. Он отвлечётся — ты спасена.

Лена не выдержала и засмеялась. Впервые за весь день.

Они звали её «звёздочкой». Сначала это было шуткой, потом — тёплой, привычной кличкой, которая значила больше, чем просто имя. Она была их звёздочкой — залётной, немного загадочной, светящейся своим, особым светом.

Именно они взялись тренировать её в дуэлях. Не в официальном клубе, а в заброшенных классных комнатах, где пыль веков мягко глушила звук заклинаний.

— Забудь учебник, звёздочка! — кричал Фред, легко отражая её «Экспеллиармус» щитом, раскрашенным в цвета гриффиндорского флага. — Магия — она как шутка. Нужно чувствовать оппонента, предугадывать, куда он клонит. Не жди заклинания — жди намерения!

— И не блокируй просто так, — подхватывал Джордж, заставляя её уворачиваться от безобидных розовых искр. — Перенаправляй! Используй его силу против него. Твоя палочка — не щит, она проводник. Доверься ей!

— А если я не успею? — Лена увернулась от очередной искры и едва не упала.

— Успеешь, — сказал Джордж. — Ты быстрее, чем думаешь.

— И умнее, — добавил Фред. — Просто пока не знаешь об этом.

Они учили её не бояться собственной силы. И она училась. Быстро.

Гермиона стала её стратегом и союзником в интеллектуальных баталиях. Девчонки проводили вечера в библиотеке, заваленные фолиантами о пророчествах, ментальных связях и симбиотической магии. Но книги давали лишь теории, туманные и расплывчатые.

— Здесь говорится, что «видения суть трещины во времени, через которые просачивается грядущее», — читала Гермиона, хмуря свой обычно аккуратный нос. — Но как эти трещины образуются именно в данном конкретном сознании? Почему именно ты? Никакой научной методологии!

— Может, это не наука, — тихо говорила Лена, проводя пальцем по старой, потрескавшейся коже переплёта. — Может, это… что-то вроде искусства. Или проклятия.

Гарри, постепенно теряя первоначальную застенчивость, стал делиться с ней своими тревогами. Их тихие беседы у гриффиндорского камина, когда остальные уже расходились по спальням, открывали тревожные параллели. Он рассказывал о летающих ключах, трёхголовом псе, о странных обмороках и ощущении, что за ним следят. Она слушала, и в голове складывался жутковатый пазл: они оба были в центре чьих-то игр. Только правила для них были разными.

Рон, к её удивлению, оказался ходячей энциклопедией по истории волшебных семей и чистокровных обычаев. Он с готовностью объяснял значения старинных гербов, мелькавших в её видениях, или значения фраз на забытых наречиях, которые она иногда слышала.

— О, это старый девиз семьи Малфоев, — говорил он, нахмурившись. — «Чистота превыше всего». Приятного мало.

А потом была хижина Хагрида. Грубая, простая, пахнущая землёй, печным дымом и тёплым печеньем. Там не было места пророчествам.

— Видишь их, Лена? — как-то спросил он, кивая в сторону опустевшей лужайки. Его тёмные, бусинные глаза смотрели на неё с неподдельным интересом. — Фестралов.

Она кивнула, не в силах солгать. Перед её внутренним взором возникали существа с кожей, похожей на высохшую землю, с крыльями, напоминающими перепонки летучих мышей. Хагрид медленно качнул головой.

— Значит, видала смерть. Не пугайся. Они не злые. Просто… часть порядка вещей. Как и всё, что с тобой творится. — Он налил ей ещё кружку чая такой крепости, что ложка могла в

нём стоять. — Ты сильная, девочка. Сильнее, чем сама думаешь. Не беги от того, что внутри. Попробуй поговорить с этим. Или хотя бы перестань драться.

И она пыталась. Помимо книг, она искала ответы в наследии своей бабушки — в тихих ритуалах, разговорах с тем, что лежало за гранью обычного восприятия. Однажды, когда давление в голове стало невыносимым, а в ушах звенело, она попросила близнецов прийти с ней в самую дальнюю комнату на седьмом этаже, ту, что даже Пивз обходил стороной.

— Ты уверена, звёздочка? — Фред оглядел мрачное помещение. — Здесь даже Призрак Туалетной Тётушки Нормы не появляется. Слишком скучно.

— Мне нужна тишина. И… я не хочу быть одна, — сказала она, расстилая на каменном полу большой платок из тёмно-синего бархата.

— Тогда мы здесь, — просто сказал Джордж и уселся на пол рядом с краем платка. — Что делать?

— Просто… будьте. И не смейтесь.

— Мы не будем, — пообещал Фред. — Ну, может, чуть-чуть. Но не над тобой.

Она разложила свою атрибутику, бережно привезённую из дома: три толстые восковые свечи — чёрную, белую и зелёную, маленькую чугунную жаровню на ножках, пучки сушёных трав — полынь, зверобой, чертополох, перевязанные красной шерстяной нитью. Близнецы притихли, наблюдая с необычайной для них серьёзностью. Шутки кончились. Здесь царила магия другого рода — древняя, тихая, пахнущая землёй и памятью.

Лена расставила свечи по углам платка, создав треугольник. Воздух в комнате сгустился. Она чиркнула спичкой, и три пламени затанцевали, отбрасывая гигантские, пляшущие тени на стены. Потом она положила пучок полыни в жаровню и подожгла его. Сухие листья вспыхнули ярким, почти синим пламенем, выпустив густой, горьковато-сладкий дым, который вился кольцами, не желая рассеиваться.

Она закрыла глаза, и её голос, когда она заговорила, звучал непривычно — низко, мелодично, на родном языке.

— Духи места, духи крови, духи знания… Я не ищу судьбу. Я ищу понимание. Боль — это проводник или стена? Шум в тишине или тишина в шуме? Научите меня слышать, не разбиваясь.

Дым вился всё причудливее. В жаровне угли полыни тлели ярко-красным. Внезапно, беззвучно, пламя рванулось вверх, и на мгновение в его языке вырисовалась чёткая форма: две ветви, переплетённые в крепкий узел. Одна казалась светлой, медового оттенка, другая — тёмной, как ночь. Над ними вспыхнула и рассыпалась искрами крошечная точка — падающая звезда. В тот же миг её палочка из лиственницы, лежавшая у края платка, издала тихий, чистый, похожий на колокольчик звон.

Лена открыла глаза. В их зелёной глубине отражалось пламя.

— Они… не запрещают, — прошептала она уже по-английски, и голос её дрогнул. — Они говорят, что путь уже проложен. Что плата за ясность — принятие. Не борьба. Не отторжение. А… слияние. Как река принимает в себя ручей.

Фред осторожно присвистнул, не сводя глаз с догорающих углей.

— Выглядело… убедительно. И пахло не шуткой.

— Значит, — Джордж присел на корточки рядом с ней, его лицо было сосредоточенным, — твоя боль, звёздочка… она не враг. Она как… антенна. Может, не надо её выключать? Может, надо настроиться на волну и попробовать понять, что именно она ловит?

— А если то, что она ловит, — опасно? — тихо спросила Лена.

— Тогда мы будем рядом, — сказал Фред просто. — Чтобы прикрыть. Или чтобы отвлечь. Или чтобы вовремя дать тебе шоколадку. Шоколад, говорят, помогает от всего.

— От всего? — Лена слабо улыбнулась.

— От всего, кроме смерти, — уточнил Джордж. — Но и там, я слышал, шоколад не помешает.

Этот ритуал не снял боль. Но он изменил её отношение к ней. Она стала учиться не глушить эти выбросы, не отгораживаться от них стеной, а пропускать их сквозь себя. Как сильный ветер сквозь ажурную решётку. Она концентрировалась на дыхании, на ощущении своей палочки в руке, и пыталась направлять излишек чужеродной энергии в неё, или рассеивать в простом заклинании удержания и успокоения. Боль не исчезала, но переставала быть ножом, разрывающим сознание. Она превращалась в глубокий, мощный гул, в фон, на котором можно было существовать.

И её собственная магия расцветала в ответ на это принятие. Особенно то, что было связано с защитой, светом и контролем.

Её «Протего» стал не просто прозрачным куполом. Он обретал плотность, перламутровый отлив, и когда на очередной тренировке Джордж швырнул в него шутки ради усиленный «Редукто», щит лишь дрогнул, издав низкий, мощный гул, подобный звуку огромного хрустального колокола. Искры «Редукто» рассыпались по его поверхности, как дождь по стеклу.

— Ого, — сказал Джордж, опуская палочку. — Это было… красиво.

— Это было мощно, — поправил Фред. — Я даже испугался.

— Ты всегда пугаешься, когда что-то работает лучше, чем ты ожидал.

— Неправда. Я пугаюсь только когда что-то работает лучше, чем я ожидал, и при этом взрывается.

«Люмос Максима» в её исполнении не ослеплял. Он заливал пространство ровным, умиротворяющим, почти осязаемым светом, в котором таяли тени, а тревога отступала, словно отогреваясь у костра.

Но самым неожиданным стал успех в зельеварении. Предмет, который она боялась из-за его преподавателя, начал поддаваться ей с какой-то почти мистической лёгкостью. Её движения у котла были точными, выверенными, а интуиция подсказывала, когда добавить, помешать, когда убавить огонь на пол-единицы. На последнем перед каникулами уроке её «Успокаивающий отвар» приобрёл идеальный лавандово-сиреневый оттенок и испускал ровный, тонкий аромат мяты и ладана. Снейп, пролетая мимо со своим привычным смерчем чёрной мантии, вдруг замер. Его острый нос чуть дрогнул, уловив запах. Он развернулся и медленно, как хищник, приблизился к её котлу. Не глядя на неё, он склонился над паром, вдохнул. Потом его взгляд — холодный, аналитический — скользнул по её рукам, уверенно размешивающим смесь, и поднялся к её лицу. На долю секунды их глаза встретились. В его чёрных, непроницаемых глубинах что-то мелькнуло — не признание, не одобрение. Скорее… досадливое осознание факта. Факта, который нельзя больше игнорировать.

— Гриффиндору, — прозвучал его голос, низкий и без эмоций, словно он читал прогноз погоды, — десять очков. За отвар, не вызывающий немедленного желания вызвать целительницу.

Он развернулся и ушёл, не дав ей и секунды на реакцию. Но эти слова, сухие и колючие, висели в воздухе. Это была не похвала. Это была констатация: она перестала быть пустым местом. Она стала проблемой, которая требовала учёта.

— Он только что… похвалил тебя? — Фред смотрел на неё с открытым ртом.

— Он сказал, что моё зелье не вызывает желания вызвать целительницу, — ответила Лена. — Это не похвала. Это медицинская констатация.

— Для Снейпа это как речь на выпускном, — сказал Джордж. — С цветами и слезами.

— Ты преувеличиваешь.

— Нет, ты не понимаешь, звёздочка. — Джордж наклонился ближе. — Снейп не хвалит никого. Снейп хвалит только те зелья, которые не взорвались. А те, которые не взорвались и

при этом ещё и выглядят нормально... — он сделал паузу, — ...это уже событие вселенского масштаба.

Лена засмеялась. Но в глубине души что-то дрогнуло. Она вспомнила его взгляд — на долю секунды, но этого хватило. Там было что-то. Не просто досада. Что-то глубже.

А странные синхронные всплески магии… они участились. Лена до сих пор не понимала их природу, списывая на общую нестабильность своей магии или отголоски видений. Она не знала, что происходило на другом конце замка в эти моменты.

Когда она, отрабатывая щит на уроке защиты от Тёмных искусств у доброжелательного, но уставшего профессора Люпина, вложила в заклинание всё своё желание защититься, её палочка дрогнула, и перед ней взметнулся не «Протего», а слепящая стена из сплетённых золотых и серебряных нитей. В классе повисла гробовая тишина. Люпин, обычно спокойный и ободряющий, замер с широко открытыми глазами, в которых мелькнуло нечто большее, чем удивление — глубокая, мгновенная настороженность, будто он узнал что-то очень старое и очень опасное. Он медленно приблизился.

— Мисс Лукьена… это было… необычайно. Вы когда-нибудь… видели такой щит раньше? В книгах? В снах?

Она, всё ещё потрясённая, лишь покачала головой. Люпин кивнул, его взгляд стал рассеянным, задумчивым.

— Интересно… очень интересно. Это не просто защита. Это… отзвук чего-то другого. — Он не стал развивать тему, но до конца урока наблюдал за ней с удвоенным вниманием. А её палочка ещё долго пульсировала в её руке странным, тревожным теплом.

Когда же она сидела в гостиной Гриффиндора, корпя над заклинаниями, её палочка в кармане вдруг начинала вибрировать, нагреваясь, словно от близкого пламени. В голове проносились обрывки: резкий запах корня мандрагоры, чувство предельной концентрации. Позже слизеринцы ворчали, что «Снейп сегодня в подвале творил что-то эпическое, весь в зелёных парах». Она не связывала эти события. Для неё это были просто аномалии.

Видения тоже не отступали. Они стали чётче, конкретнее. Однажды, когда она сидела в библиотеке, пытаясь сосредоточиться на истории магии, перед её внутренним взором, будто на просвете старой фотоплёнки, возникло лицо. Мужское. Бледное, как мел, с прорезями вместо носа и глазами — красными, вертикально-щелевыми, как у змеи. Не было вторжения. Не было зелёного света Круциатуса. Был лишь леденящий, беззвучный шёпот, прозвучавший прямо в ткань её сознания, как радиопомеха: «Маяк… я различаю твой свет…»

Это было не обращение к ней. Это было констатирование факта, брошенное в пространство кем-то другим. Кем-то, кто уже заметил «помехи». Духи предупредили. Тьма знала о маяке. И в тот же вечер, когда она перечитывала пророчество в дневнике, строка «павшая звезда укажет путь в кромешной тьме» вдруг вспыхнула в памяти с новой силой. Павшая звезда. Её звали «звёздочкой». Она была «маяком». Пророчество не просто говорило о ней — оно уже работало. И это было страшнее любого видения.

Вечером накануне выходных, когда метель за окном выла по-звериному, она села писать долгое письмо домой.

Дорогие мама и бабушка,

Пишу вам, а за окном настоящая сказочная вьюга — кажется, сама Снежная Королева решила проверить стены Хогвартса на прочность. До каникул остаётся совсем чуть-чуть, и я уже сто раз мысленно собрала чемодан. Невероятно скучаю по дому, по нашему тёплому свету в окне, по вашим голосам, смешавшимся с запахом имбирного печенья.

Здесь всё идёт своим чередом. У меня появились замечательные друзья — два брата-близнеца, от которых скучать невозможно. Они изобретают невероятные штуки и зовут меня «звёздочкой», что, кажется, уже стало моим вторым именем. Есть и другие — очень умная девочка, с которой мы постоянно что-то исследуем в библиотеке, и два парня, с кото-

рыми мы вместе делаем уроки (или пытаемся, пока близнецы не устроят очередной небольшой взрыв).

Учёба… сложная, но интересная. Помните, как я ненавидела химию у нас в школе? Все эти формулы, которые ничего не объясняли? Так вот, зельеварение — это похоже, только в тысячу раз интереснее! Здесь почти нет скучных формул — только практика. Нужно чувствовать ингредиенты, понимать, как они взаимодействуют, ловить нужный момент. И, кажется, у меня начинает получаться! На последнем уроке мой отвар был настолько хорош, что даже профессор, который обычно смотрит на всех, как на личных обидчиков, скрипя зубами, прибавил очков нашему факультету. Было даже немного странно — не похвала, а будто он неохотно признал очевидное.

Лучше всего у меня получается что-то, связанное с защитой и светом. Чувствую в этом какую-то уверенность, будто мои руки сами знают, что делать.

Бывают, конечно, трудности. Иногда магия ведёт себя непредсказуемо, будто у неё своё настроение. Но я учусь с ней… договариваться. Помогают те вещи, которым учила бабушка — тишина, травы, свечи. Кажется, я понемногу нахожу свой собственный путь в этом новом мире.

Ждите меня очень-очень скоро. Соскучилась ужасно.

Целую крепко.

Ваша Лена.

Она запечатала конверт, ощущая привычный, горьковатый привкус умолчаний. Но было и облегчение — скоро дом. Скоро можно будет выдохнуть.

В своих подземных покоях, пропитанных запахом консервированной трепетной ивы и полыни, Северус Снейп вёл свою собственную войну. Ему было тридцать два года, и в этом возрасте он уже успел стать мастером зелий, шпионом, человеком с двумя жизнями и грузом вины, способным раздавить кого угодно. Но сейчас его сокрушала загадка.

Стол был завален книгами: «Пророчества как самоисполняющиеся парадоксы», «Ментальные симбиозы: миф или забытая дисциплина?», «Тайны Распределяющей Шляпы: предсказание или программирование?». Он знал слова рокового пророчества наизусть. Он чувствовал странные помехи в своей работе — внезапные головные боли, мешающие концентрации, необъяснимый резонанс с магией где-то далеко в замке. Он видел, как она преуспевает. Как её магия крепнет, особенно в защите. Как её зелья становятся безупречными. Это бесило его. Эта магглорождённая выскочка, этот назойливый свет, осмеливался не просто существовать, а сиять прямо под его носом, в его же предмете!

Но каждый раз, когда его острый, дотошный ум выстраивал логическую цепочку, подбирался к разгадке — что означают «две ветви», какова его роль, почему именно он, — в его сознании вставала стена. Не окклюменция, не его собственная защита. Это было похоже на густой, непроницаемый туман, вплетённый в саму ткань пророчества. «Слишком рано для понимания». Оно защищало себя от преждевременной разгадки. Его собственная ярость от этой слепоты была физической, вкусной — горькой, как пепел и полынь.

Он всё чаще ловил себя на том, что перечитывает строки: «Когда тень примет боль рассвета, а свет познает горечь ночи, две ветви сплетутся в запретный щит». Две ветви. Он — тень. Она — свет. Это было очевидно и невыносимо. Но что значит «примет боль»? Что значит «познает горечь»? Каждый раз, когда он пытался разгадать, туман сгущался, а головная боль становилась невыносимой. Пророчество не просто существовало — оно сопротивлялось пониманию. И это бесило больше всего.

Именно поэтому, в конце особенно паршивой недели, когда головная боль от постоянных помех не давала ему сосредоточиться, он отправил ей записку. Холодный расчёт. Не более.

Мисс Лукьена.

Ваше присутствие в стенах школы стало источником постоянного ментального шума, неприемлемого для учебного заведения. Явитесь в мой кабинет сегодня в 20:00 для занятий по окклюменции. Опоздание приравнивается к отказу и повлечёт за собой соответствующие последствия.

Проф. С. Снейп.

Предлог был тоньше паутины и прозрачнее стекла. Но правила диктовал он.

Ровно в восемь, сжав в кармане свою тёплую палочку из лиственницы, она стояла перед знакомой дубовой дверью. Сердце бешено колотилось, но дыхание, благодаря месяцам тренировок, было ровным. Она постучала.

— Войдите, — голос из-за двери был плоским, лишённым всякой интонации.

Он сидел за своим массивным столом, погружённый в какой-то мрачный фолиант, и не поднял головы. Кабинет был прежним: оплывшие свечи, ряды блестящих банок, тяжёлые, давящие тени.

— Садитесь, — он махнул рукой в сторону стула перед столом, всё ещё не глядя.

Она села, положила руки на колени, стараясь не выдать дрожь. Молчание растягивалось, густея, как кисель.

— Поскольку, — начал он наконец, закрывая книгу с глухим стуком и поднимая на неё взгляд, — ваше присутствие, помимо всего прочего, является ещё и демаскирующим фактором, привлекающим внимание… сущностей, которым лучше оставаться в неведении, мы займёмся основами ментальной гигиены. Окклюменция. Вы будете учиться закрывать свой разум. Не для сохранения секретов — для элементарного выживания. Ваш разум, мисс Лукьена, в его текущем состоянии — это кричащий на площади дурак с табличкой «Атакуйте здесь».

— Я не кричу, — тихо, но чётко возразила она, встречая его ледяной взгляд.

— Ошибаетесь, — парировал он, не меняя тона. — Каждая ваша неконтролируемая эмоция, каждый всплеск страха — это вопль в эфире. И эфир этот слушают не только я. Сегодня вы попробуете очистить разум. Пустота. Белый шум. Изгоните всё: свои детские воспоминания, тоску по маггловской простоте, даже этот… сентиментальный бред о дружбе, которым вы тут обросли.

Он произнёс последние слова с такой ледяной, уничижительной интонацией, что она физически почувствовала укол. Так. Он не только помнил озеро. Он презирал всё, что случилось после.

— Я попробую, — сказала она, пальцы инстинктивно сжали палочку.

— Без палочки, — отрезал он резко. — Это битва внутри вашего черепа, а не фехтование. Закройте глаза. Начинайте.

Она закрыла. Но вместо пустоты перед ней поплыли образы: сияющий щит из золота и серебра, оскал Джорджа перед запуском «Забияки», тёмная вода озера, в которой отражалось сплетение двух свечений, его профиль, освещённый этим самым светом, резкий и молодой, без морщин, но с вечной печатью горечи на тонких губах… И где-то на границе сознания — строки пророчества, вспыхивающие, как предупреждающие знаки: «…две ветви сплетутся в запретный щит…»

— Вы напряжены как струна, — его голос прозвучал неожиданно близко, прямо над ней. Он подошёл. Она почувствовала запах — полынь, чернила, холодный камень и что-то ещё, чисто мужское, резкое. — Это сводит на нет все усилия. Расслабьтесь.

— Я не могу, когда вы… — она открыла глаза.

Они оказались в сантиметрах друг от друга. Он нависал над креслом, его лицо — бледное, с резкими чертами тридцатидвухлетнего мужчины, не обременённого мягкостью, — было так близко, что она видела каждую ресницу, тень щетины на щеках, абсолютную черноту зрачков, в которых не было ничего, кроме её же отражения. И в этот миг всё рухнуло. Защиты, стены, предлоги. Через сам воздух между ними, через этот вынужденный, невыносимо интим-

ный контакт хлынуло. Не образы. Сырые, нефильтрованные эмоции. Его сдавленная, яростная тревога, смешанная с чем-то похожим на отчаянное, ненавидящее самого себя любопытство; её собственный страх, упрямство и… щемящее, абсолютно нелепое осознание его физической близости, молодой мужской силы, сконцентрированной в этой напряжённой позе. В её голове вспыхнула его мысль, чёткая и ясная, как крик: «Почему она? Этот навязчивый, живучий свет, почему он цепляется за меня?» И её собственная, тут же откликнувшаяся, прежде чем она успела её остановить: «Почему он всегда так одинок?..»

Это длилось одно сердцебиение. Но его хватило.

Обе палочки — её, лежавшая на коленях, и его, в складках мантии у груди — вспыхнули в унисон. Не ослепительно, как тогда у озера, а сокровенно, почти стыдливо: её лиственница излучила тёплый, медовый свет, его тёмное дерево — холодное, серебристое сияние. Два свечения встретились в узком пространстве между их лицами, осветив его бледные, искажённые абсолютным потрясением черты и её широко раскрытые, испуганные и озарённые этим светом глаза.

Снейп отпрянул, как от удара раскалённым железом. Его рука вцепилась в грудь, где лежала его палочка, будто пытаясь заглушить её свечение.

— Что вы… — начал он, и его голос, всегда такой безупречно контролируемый, сорвался, выдав шок, замешательство, ярость.

В её сознании, словно прямой ответ на эту вспышку, ярко, будто неоновой вывеской, вспыхнули и сложились два слова пророчества: «…ПРИМУТ…» и «…СПЛЕТУТСЯ…». Осколки пазла встали на место с тихим щелчком. Пророчество сдвинулось. Оно отозвалось на этот взрыв взаимного, пусть и болезненного, вынужденного признания. «Тень примет боль рассвета». Он только что принял её боль. «Две ветви сплетутся». Их палочки только что сплелись светом. Пророчество работало. Прямо сейчас. В этом кабинете.

Он выпрямился во весь рост, отступая к столу, его лицо было маской, но по нему пробежала судорога. Он дышал часто и неглубоко, как после спринта.

— Вон, — прошипел он, низкий голос вибрировал от сдерживаемой ярости, превратившейся в ледяной шквал. Его пальцы судорожно сжали край стола, костяшки побелели. — Сию же секунду.

Но вместо того чтобы броситься бежать, Лена заставила себя выпрямиться. Адреналин горел во рту медной монетой, смешиваясь с обидой и внезапной дерзостью, поднявшейся из самой глубины. Он хочет её унизить, снова сделать пустым местом после того, как только что случилось это? Нет уж.

Она подняла на него взгляд, зелёные глаза, ещё широкие от потрясения, теперь сверкали не страхом, а вызовом.

— Я и так здесь только потому, что вы сами меня вызвали, профессор, — её голос прозвучал чётче, чем она ожидала. — Заметьте, по вашему же приказу. Вы хотели «ментальную гигиену». Ну что ж, первый сеанс, кажется, прошёл крайне… показательно. Для нас обоих.

Она сделала паузу, позволяя словам повиснуть в тяжёлом воздухе. Его лицо стало абсолютно непроницаемым, но в уголке поджатого рта дрогнула едва заметная мышца.

— Или толку от ваших методов всё же маловато? — добавила она тише, но не менее отчётливо, поворачиваясь к двери. — Поскольку вместо тишины вышла лишь очередная… помеха.

Она не стала ждать ответа. Не стала смотреть, как её слова вонзаются в его ледяную броню. С достоинством, которого не чувствовала, она вышла из кабинета, тихо прикрыв дверь. Только в холодном, пустом коридоре она прислонилась к шершавой стене, дрожа всем телом. Дерзость испарилась, оставив после себя пустоту и жгучее осознание: она перешла какую-то черту. Необратимо.

А в ушах всё ещё звенело эхо его пронзительной мысли: «Почему она?..» И её собственный, предательский ответ: «Почему он всегда так одинок?..»

«Нет, — прошептала она себе, отталкиваясь от стены и направляясь к башне. — Это не про одиночество. Это война. И я только что вышла из окопов».

В подземном кабинете Снейп медленно разжал пальцы, впившиеся в дерево стола. Тишина после её ухода была оглушительной. В воздухе всё ещё висела звенящая напряжённость и горьковатый шлейф полыни от её ритуала, смешанный с запахом её слов.

«Вышла лишь очередная помеха».

Он резко отвернулся от двери, мантия взметнулась волной. Его собственная палочка, прижатая к груди под одеждой, всё ещё излучала слабое, навязчивое тепло. Тепло, которое он чувствовал с того самого вечера у озера. Оно не уходило. Оно лишь притуплялось, чтобы снова вспыхнуть с новой силой.

Она осмелилась. Осмелилась не просто огрызнуться, а указать на провал. На его провал. И самое невыносимое — она была права. Этот дурацкий, самонадеянный сеанс лишь обнажил связь, вместо того чтобы её разорвать. Он дал пророчеству щель, и оно тут же ею воспользовалось, вбив в его сознание два новых слова: «ПРИМУТ» и «СПЛЕТУТСЯ». «Тень примет боль рассвета». Он принял. «Две ветви сплетутся». Они сплелись. Пророчество не просто предсказывало — оно сбывалось, шаг за шагом, и он был его частью, хотел он того или нет.

Он с силой провёл руками по лицу, пытаясь стереть ощущение её близости, её взгляда, полного не страха, а какой-то нелепой, болезненной ясности. Ярость кипела в нём, но теперь она была направлена внутрь. На собственную оплошность. На эту невыносимую загадку, которая оказалась не абстрактным проклятием, а живой, дерзкой девчонкой с зелёными глазами и палочкой из лиственницы.

Ему нужно было думать. Не как профессору, пытающемуся заткнуть дыру. А как шпиону, столкнувшемуся с непредвиденным фактором. Фактором, который теперь знал о своей силе. И, что ещё хуже, фактором, который осмелился ему об этом напомнить.

Каникулы наступили с ощутимым щелчком, как замок в дверце поезда «Хогвартс-экспресс». В последний день в замке царил хаотичный, счастливый шум: чемоданы, крики сов, обещания написать и смех, смех, смех. Лена упаковывала свои вещи в углу гостиной Гриффиндора, стараясь не думать о ледяном кабинете и двух словах, выжженных в сознании.

Близнецы появились в дверях с видом заговорщиков.

— Звёздочка, слушай сюда, — Джордж присел на корточки рядом с её сундуком, лицо необычайно серьёзное. — Мы с Фредом всё обсудили. Основательно.

— Даже без взрывов, — подтвердил Фред, плюхнувшись на сундук, едва не сломав замок. — Родители в курсе и в полном восторге. Так что слушай. Ты должна приехать к нам. На Рождество. Или после. Или вообще на все каникулы.

Лена оторвалась от укладки свитера, удивлённая.

— К… к вам? В Нору?

— Именно туда, — кивнул Джордж. — Там будет Гарри, наверняка заглянет Гермиона. Будет шумно, вкусно и абсолютно безумно. Гораздо веселее, чем одной в маггловском мире. Мама уже мысленно тебя усыновила, после всех наших рассказов.

— А она у нас, знаешь ли, эксперт по усыновлению, — добавил Фред, широко ухмыляясь. — Гарри живое доказательство.

— Я… не знаю, — Лена замялась. — Это как-то… неудобно. Ввалиться к вам на праздник.

— Неудобно — это когда ты пытаешься в одиночку справиться с тем, с чем не должна справляться в одиночку, — сказал Джордж, и его голос стал серьёзным. — А приехать к друзьям на Рождество — это нормально. Это то, что делают друзья.

— Особенно когда эти друзья — мы, — добавил Фред. — Мы же невыносимы. Тебе придётся с этим смириться.

Тут Джордж положил руку ей на плечо, его выражение стало особенно тёплым.

— И ещё. Бери с собой своих. Всех, кого захочешь. Мама с папой сказали — хотят познакомиться со всей семьёй нашей звёздочки сразу. Чем больше, тем веселее, это наше главное правило. Так что, как скажешь? Ты просто должна обсудить это со своей семьёй. Уверены, они отпустят.

В глазах близнецов светилась такая искренняя, неподдельная надежда, что у Лены перехватило дыхание. Бежать от тишины и воспоминаний в этот хаос Уизли, да ещё и со всеми своими… Мечта, ставшая вдруг ошеломляюще реальной.

— Я… да, конечно. Я спрошу, — выдохнула она, и сердце ёкнуло от неожиданной радости и лёгкой паники. — Спасибо. Правда.

— Отлично! — они хором обняли её так, что затрещал позвоночник. — Тогда ждём письма! И чтобы ты не вздумала пропадать!

— И захвати побольше русских сладостей, — добавил Джордж. — Мы слышали, у вас там есть что-то с названием, которое мы не можем выговорить. «Птичье молоко»? «Сгущёнка»?

— «Пастила», — сказала Лена. — И «зефир».

— «Зефир», — повторил Фред, пробуя слово на вкус. — Звучит как заклинание. Мы попробуем его произнести. Если взорвётся — ты виновата.

— Я не виновата в том, что вы не можете выговорить «зефир».

— Виновата, — упрямо сказал Джордж. — Ты вообще во всём виновата. Привыкай.

И вот она дома. Дверь распахнулась, и её буквально снесло волной тепла, смешанных голосов и знакомых, родных запахов — хвои, имбирного печенья, воска и маминых духов.

— Леночка! Доченька!

Её затянуло в объятия мамы, такие крепкие и пахнущие домом. Потом подлетела бабушка, сухая и цепкая, с морщинистыми ладонями на щеках.

— Дай-ка на тебя посмотреть… Выросла, похорошела. Но глаза усталые, глубокие…

И тут же, пронырнув между взрослыми, на неё налетели два вихря.

— Лена-Лена-Лена! — кричал шестилетний Всеволод, виснув на её руке. — Ты колдунья? Покажи фокус!

— Ена! — вторил ему трёхлетний Николай, обнимая её за ноги и сияя беззубой улыбкой. — Ена пиехала!

Радостная суматоха, объятия, вопросы. За ужином, заваленная едой и вниманием, Лена осторожно изложила приглашение. Реакция была смешанной: лёгкий страх тёти Оли, задумчивость мамы, мудрая наблюдательность бабушки и безудержный восторг детей. После долгого обсуждения, глядя на горящие глаза братьев и прислушиваясь к тихому голосу бабушки («Свежий воздух, новые лица… и твои друзья. Думаю, это нужно»), решение было принято. Поедут все. Но только после Нового года.

Новый год прошёл в привычном, тёплом хаосе, но для Лены — в тумане. За два дня до праздника на неё обрушилось видение такой силы и чёткости, от которых она с криком рухнула на пол на пустой кухне. Она видела его — бледного мужчину со змеиными глазами, благодарившего Снейпа. Видела алую вспышку и его, Северуса, падающего в судорогах. А потом в её разум ворвался его собственный, искажённый болью голос:

— Вон! Это нереально! Видение… ловушка! Выталкивай! Закрой щит, идиотка, ты убьёшь нас обоих!

Ей едва хватило сил оттолкнуть кошмар. Осталась лишь леденящая дрожь и знание: связь стала двусторонней. Он почувствовал её. И в тот же миг, в голове, как приговор, вспыхнули строки пророчества: «…жизнь заплатит жизнью за жизнь…» Она только что видела его смерть.

И она только что была его жизнью — той, что удержала его на краю. Пророчество снова сдвинулось. И это было невыносимо.

Первого января она отправила сову Уизли с кратким письмом о своём приезде с семьёй третьего числа. Ответа не последовало.

И вот, третьего января, когда чемоданы были собраны, а бабушка настаивала взять в подарок шампанское и контейнеры с салатами («Оливье», «Цезарь» с ананасами и курицей, крабовый), во дворе с оглушительным грохотом приземлился ярко-синий Ford Anglia, дышащий розовыми пузырями.

— Звёздочка! Точна как по расписанию!

Фред и Джордж, вывалившись из машины, устроили ей бурную встречу прямо в снегу, к изумлению родных. Дорога в Нору стала для семьи Лукьеных испытанием на прочность, но дети — Всеволод и Николай — визжали от восторга.

Когда машина наконец остановилась перед скромным, покосившимся домом, дверь распахнулась, и навстречу им, сметая снег фартуком, выпорхнула Молли Уизли.

— Леночка, родная! Наконец-то! — Она крепко обняла её, а затем отступила на шаг, держа Лену за плечи, и её доброе, материнское лицо с лёгкими морщинками у глаз стало очень внимательным. — Дай-ка на тебя посмотреть, девочка, — сказала миссис Уизли тихо, но так, что слышали все. Её взгляд, тёплый и проницательный, скользнул по её лицу, волосам, остановился на глазах. В её карих глазах мелькнуло что-то сложное — удивление, материнская нежность и тень глубокого понимания, будто она увидела не просто подругу своих сорванцов, а что-то гораздо большее. — Фред с Джорджем столько о тебе рассказывали. Но они никогда не говорили, какая ты… светлая.

Она произнесла это слово не как комплимент, а как констатацию факта. Как будто описывала погоду. Потом её взгляд смягчился ещё больше, и она снова обняла Лену, на этот раз быстрее, и переключилась на остальных, уже с привычной хозяйственной энергией:

— А вы и есть мама нашей звёздочки! Я так вам благодарна, что отпустили её к нам! И бабушка! И вы, милочка, — обратилась она к тёте Оле, — и эти чудесные, чудесные мальчишки! Добро пожаловать в наше безумное царство!

Она буквально втянула их всех внутрь, где царил знакомый Лене хаотичный уют. Мистер Уизли, сияя, жал всем руки, засыпая вопросами о «маггловских механизмах». Рон, покраснев, пробормотал приветствие. Гарри и Гермиона, уже бывшие тут своими, радостно помахали Лене.

Но главное внимание близнецов было приковано к младшим.

— Так это и есть знаменитые волшебные ученики? — с важным видом спросил Фред, приседая перед Всеволодом.

— Настоящие исследователи? — подхватил Джордж, подмигнув Николаю.

И тут же, не дожидаясь ответа, они вытащили из карманов безделушки. Маленький волчок закрутился в воздухе и заиграл мелодию, бумажный кораблик поплыл по воображаемому ручью прямо в ладони у Николая. Дети замерли в немом восторге, а взрослые Лукьены смотрели на это со смесью ужаса и восхищения.

— Мама, папа, — объявил Джордж, поднимаясь. — Разрешите представить: семья Лукьеных. Они привезли гостинцы, которые, я уверен, волшебные не меньше наших!

Бабушка, оправившись от потрясения, с достоинством вручила миссис Уизли бутылку шампанского и корзину с контейнерами.

— Это наши скромные дары. Традиционные угощения для зимнего праздника.

Вечером, за огромным столом, ломившимся от пирогов, индейки и теперь ещё и русских салатов, начался настоящий культурный обмен. Мистер Уизли с жадностью расспрашивал про «не-рождественский» Новый год, Деда Мороза и куранты. Миссис Уизли была очарована рецептом «селёдки под шубой» (хотя название вызывало у неё лёгкую панику). Гарри и

Рон сражались за последнюю ложку «Цезаря», а Гермиона делилась с Леной впечатлениями от каникул.

— Я писала тебе про простые чары сокрытия, — шепнула Гермиона, кивая на малышей, которые под руководством близнецов пытались заставить ложку подпрыгивать. — Пригодятся.

Когда настало время обмена подарками, русская семья оказалась готова. Были тёплые шерстяные носки и варежки для всех Уизли, изящная шаль для миссис Уизли, набор редких маггловских винтовок и отвёрток для мистера Уизли (от которых он пришёл в неописуемый восторг). Близнецам достались наборы загадочных русских специй и маггловских «детонаторов» (обычные петарды, вызвавшие у них благоговейный трепет). Лена вручила Гарри книгу русских сказок с движущимися иллюстрациями, сделанными её рукой, а Гермионе — редкий трактат по архаичной рунической магии, найденный бабушкой. А Рону — учебник по истории России.

— Это… это лучшее, что я получал за все годы, — сказал Фред, вертя в руках петарды. — Мы это… применим. Обязательно. Где-нибудь. Когда-нибудь.

— Только не в школе, — быстро сказала Лена. — И не в Норе.

— Конечно, не в Норе, — оскорбился Джордж. — Мы же не варвары. Мы найдём место получше.

В ответ они получили горы сладостей от миссис Уизли, забавные безделушки от близнецов и тёплые, искренние улыбки. Сидя позже в гостиной, наблюдая, как Фред и Джордж показывают Всеволоду, как менять цвет волос безопасными чернилами, а в углу комнаты, на каминной полке, стояла простая деревянная рамочка с фотографией двух улыбающихся малышей — братьев Лены, — Лена чувствовала, как тяжёлый камень в груди понемногу тает. Здесь, в этом шумном, тёплом, живом доме, даже тень от видения и ледяное эхо чужой боли казались чуть дальше, чуть слабее. Это был другой мир. И он её принимал. Всю.

Утро в Норе было непривычно тихим после вчерашнего веселья. Солнечный свет пробивался сквозь заиндевевшие окна, подсвечивая летающую по кухне пыль. Но на душе у Лены было тяжко. Сегодня её семья уезжала.

За завтраком царила смешанная атмосфера. Тётя Оля нервно поглядывала на часы, мама тихо допрашивала Лену о том, как часто она будет писать, а бабушка, мудрая и спокойная, молча держала её руку в своей, сухой и тёплой. Всеволод и Николай, напротив, были в восторге от предстоящей «обратной полётки».

— Никаких волшебных фокусов в школе, — строго сказала бабушка, глядя на близнецов, которые тут же приняли невинный вид. — И помни, внучка, дом всегда ждёт.

— Я знаю, бабуля, — прошептала Лена, обнимая её. Сердце сжималось от грусти, но и от странного облегчения. Здесь, в Норе, она могла быть той, кем стала, не скрываясь.

Миссис Уизли, хозяйственно заворачивая в салфетки пирожки «на дорогу», подошла и положила руку на плечо её маме.

— Не волнуйтесь ни капли, дорогая, — сказала она твёрдо и тепло. — Она у нас под самым надёжным крылом. Артур лично отвезёт вас, всё будет быстро и безопасно. А эта девочка, — её взгляд снова нашёл Лену, — у неё сильный свет внутри. Она знает, что делает.

Мистер Уизли, сияя, уже заводил свою машину (на этот раз она не выпускала пузырей, а лишь тихо подрагивала). Прощание было тёплым, быстрым, со слезами на глазах у мамы и тёти Оли. Лена наклонилась к спящим на заднем сиденье братьям (тихий шёпот «Сонной пыли» и наложение простого забвения — подарок Гермионы — сделали своё дело) и поцеловала их в лоб.

— Спите, мои волшебники. Пусть вам приснятся драконы и летающие машины.

Она отступила, и синий Ford Anglia, с тихим гулом, взмыл в морозное небо, растворяясь в дымке.

Оставшись в Норе, Лена почувствовала и свободу, и внезапную пустоту. Но Уизли не давали скучать. Дни пролетали в весёлом хаосе. Миссис Уизли, к удивлению Лены, стала для неё не только хозяйкой дома, но и тихой гаванью.

Однажды, когда Лена помогала ей чистить пуговицы-скребцы (которые норовили ущипнуть за пальцы), Молли неожиданно спросила:

— Он сильно к тебе придирается? Снейп?

Лена вздрогнула, уронив скребец в таз с мыльной водой.

— Я… Он просто не любит гриффиндорцев. И особенно тех, кто…

— Кто светится слишком ярко для его тёмных уголков? — закончила миссис Уизли, и в её голосе не было осуждения, только понимание. Она вытерла руки в фартук. — Северус… у него сложная судьба. Но это не оправдание, чтобы мучить детей. Если что, ты всегда можешь прийти ко мне. Или к Альбусу. Не терпи.

Это простое предложение поддержки, сказанное среди пара и звонкой посуды, тронуло Лену до слёз. Она лишь кивнула, не в силах вымолвить слова.

Были и развлечения. Однажды вся компания — Гарри, Рон, Гермиона, близнецы и Лена — отправились на замёрзшее озеро неподалёку. Гермиона, к всеобщему изумлению, оказалась виртуозной фигуристкой («Логика баланса и центровки, ничего сложного!»), Рон падал на каждом шагу, а Гарри и Лена устроили гонки, закончившиеся дружным падением в сугроб под хохот Фреда и Джорджа. Лена впервые за долгое время смеялась так искренне, до боли в животе, чувствуя лёгкий мороз на щеках и тепло дружбы внутри.

Но тень никуда не уходила. Она копилась где-то глубоко, и вырвалась наружу в одну из ночей, когда близнецы уговорили её устроить «ночёвку великих изобретателей» в своей комнате. Они сидели на полу, окружённые чертежами и полуфабрикатами будущих шуток, ели конфеты, и Фред как раз объяснял принцип действия «носопламенительной жвачки», когда у Лены резко заныл висок.

— Звёздочка, ты в порядке? — Джордж тут же насторожился, отложив в сторону взрывающуюся карту.

— Да, просто… устала, — она попыталась улыбнуться, но боль нарастала, как приливная волна. — Пойду, пожалуй, прилягу…

Она не успела встать. Комната поплыла, звуки голосов отдалились, замедлились. Перед глазами не возникла тёмная пещера или лицо Волан-де-Морта. Вместо этого она оказалась… в своём собственном теле, но будто во сне. Она стояла в пустом, туманном пространстве, похожем на заброшенный класс зельеварения. И к ней шёл он.

Северус Снейп. Не в мантии, а в простой чёрной рубашке, закатанной по локтям. Лицо было бледным, уставшим, но без привычной маски презрения. Он подошёл так близко, что она видела тени от ресниц на его скулах, и пристально, почти с научным интересом, посмотрел ей в глаза.

— Так вот ты какая, — произнёс он голосом беззвучным, но ясным, как мысль. — Не дыра в реальности. Не проклятие. Просто… девочка.

Он поднял руку. Она инстинктивно отпрянула, ожидая удара, щипка, боли. Но его длинные, тонкие пальцы лишь мягко, почти невесомо коснулись её виска, там, где пульсировала боль. Прикосновение было холодным, как лёд, но не враждебным. Аналитическим. Будто он изучал редкий, опасный ингредиент.

— Слишком много шума, — прошептал он. — Слишком громко слушаешь. Надо… приглушить.

И он сделал какое-то едва заметное движение пальцами, будто настраивая невидимый механизм. На миг боль отступила, сменившись странным, пустым спокойствием. В его чёрных глазах мелькнуло что-то похожее на досадливое понимание, даже на отголосок чего-то вроде… ответственности.

— Но это не поможет надолго, — сказал он, и его образ начал расплываться. — Он уже знает о маяке…

И тут туман взорвался алым светом. Картина сменилась мгновенно, с резкостью хлопнувшей двери. Тот самый тёмный подвал. Волан-де-Морт, парящий над распростёртым телом. Алая вспышка. Агония. На этот раз она почувствовала её не как отголосок, а физически. Словно её собственные кости ломали, кожу сдирали, а разум рвали на части. Она вскрикнула, вернее, попыталась, но звук застрял где-то глубоко в горле. Её тело на полу в комнате Уизли задёргалось в немых судорогах. И сквозь эту агонию, как сквозь трещину в стене, пробились строки пророчества — чёткие, беспощадные: «…жизнь заплатит жизнью за жизнь…» Она видела его смерть. Она чувствовала её как свою. И где-то на грани понимания мелькнуло: это не просто видение. Это плата. Та самая, о которой говорило пророчество. И она уже началась.

— Лена! Звёздочка! — Голос Фреда пробивался сквозь вой в её голове.

— Что с ней? Джордж, держи её!

Она чувствовала, как крепкие руки пытаются удержать её бьющееся тело, но боль была сильнее. Она тонула в ней, в этом чужом, смертельном мучении.

— Отойдите! Дайте мне подойти! — это был голос Гермионы, резкий от испуга. Лена сквозь пелену ощутила, как чьи-то тёплые ладони легли ей на лоб. — Это ментальный выброс, она не справляется с чужим шоком! «Амортенция Психикус»!

Золотистый свет на миг окутал её, пытаясь смягчить острые грани боли. Гермиона пыталась взять часть агонии на себя, её лицо исказилось гримасой страдания, и она сдавленно вскрикнула.

— Сильнее… чем я думала… Не могу… полностью…

В комнате царила паника. Родители Уизли в этот день уехали в Лондон на рождественский концерт оркестра привидений. В доме оставались только дети. Гарри и Рон стояли бледные, не зная, что делать. Фред тряс Лену за плечи, а Джордж метался, пытаясь вспомнить хоть какое-нибудь целебное заклинание.

И в этот момент, в камине гостиной этажом ниже, с густой вспышкой зелёного огня, возникла фигура. Длинная, чёрная, стремительная. Северус Снейп вывалился из камина, едва не потеряв равновесие. Он был смертельно бледен, одна рука сжимала его собственный висок, из носа текла тонкая струйка крови. Его глаза, дикие от боли и ярости, метнулись по сторонам.

— Где она? — прошипел он голосом, от которого похолодел воздух. — Где Лукьена?

— Наверху! В нашей комнате! — выкрикнул Джордж, не думая, повинуясь чистому инстинкту.

Снейп взлетел по лестнице, как чёрный смерч. Он ворвался в комнату, отшвырнув Фреда и Гермиону одним движением мантии. Его взгляд упал на Лену, и что-то в нём дрогнуло — не жалость, а свирепая, отчаянная решимость.

— Идиотка! — рявкнул он, падая на колени рядом с ней. — Я же говорил — не впускай его так глубоко!

Он схватил её лицо своими длинными, холодными пальцами, заставив её остекленевший взгляд встретиться со своим. Его собственное лицо искажала гримаса невыносимой боли — он чувствовал то же самое, но годы окклюменции и железная воля держали его сознание на плаву.

— Слушай мой голос, Лукьена! — его команда прозвучала не как крик, а как ледяное, режущее лезвие, вонзившееся прямо в её разум. — Это не твоя боль! Это эхо! Отдай его мне!

Он не стал ждать. Он действовал. Прижав ладонь к её лбу, а другую — к своему виску, он произнёс заклинание, которого не было в учебниках. Тихий, гортанный поток латыни, больше похожий на проклятие, чем на исцеление. Из её тела в его потянулись невидимые нити агонии. Он буквально забирал часть этого кошмара на себя. Его тело напряглось, жилы на шее вздулись, но он не издал ни звука. Только его глаза, прищуренные от боли, сверлили её взглядом, полным немой ярости и приказа: «Живи. Выдержи. Выплюнь эту отраву».

Лена ощутила, как невыносимое давление в черепе начало спадать. Удушающая волна отступила, оставив после себя жуткую пустоту и изнеможение. Судороги прекратились. Она слабо ахнула, и в её лёгкие хлынул воздух.

Снейп отдернул руку, как от огня, и откатился от неё, тяжело дыша. Он сидел на полу, обхватив голову руками, его плечи тряслись. Капелька крови упала с его подбородка на деревянные доски. В комнате стояла гробовая тишина, нарушаемая только его хриплым дыханием и тихими всхлипами Лены.

Он первым нарушил тишину, подняв голову. Его лицо было пепельным, но маска контроля уже наползала обратно.

— Вы, — он обвёл ледяным взглядом ошеломлённых близнецов, Гермиону, Гарри и Рона, — ни слова. Никогда. Нигде. Вы ничего не видели. Это была… реакция на некачественный ингредиент в зелье. Понятно?

Его голос снова приобрёл привычную, ядовитую убедительность. Но в его глазах ещё плескалась невысказанная боль и что-то ещё — шок от той силы, которая их связала.

— Но… — начал было Фред.

— Понятно? — повторил Снейп, и в его тихом шипении зазвучала такая смертельная опасность, что даже близнецы невольно отступили.

Снейп тяжело поднялся, опираясь на спинку кровати. Его взгляд, затуманенный болью и яростью, скользнул по её бледному лицу, по испуганным лицам её друзей. Что-то в его выражении смягчилось на долю секунды — не до жалости, а до ледяного, беспристрастного расчёта, быстро перешедшего в решение.

— Хотя, учитывая ваш талант игнорировать инструкции, мисс Лукьена, — его голос, хриплый от напряжения, снова приобрёл резкие грани, — оставлять вас здесь, без присмотра и с такой… нестабильной нейронной активностью, равносильно поджогу порохового склада. Ваше присутствие представляет опасность.

— Мы позаботимся о ней! — выпалил Фред, вставая между ними.

— Она никуда не поедет с вами! — поддержал Джордж.

Снейп проигнорировал их, как раздражающий шум. Он смотрел только на Лену.

— Завтра все ученики должны вернуться в Хогвартс. Ваши вещи, как я понимаю, уже там. — Он кивнул в сторону её чемоданчика. — Но учитывая характер и силу только что произошедшего инцидента, вам требуется немедленная ментальная стабилизация и изоляция, которые невозможно обеспечить здесь. Больничное крыло в замке в данный момент пусто и неподготовлено к приёму пациента с вашим… состоянием.

Он выдержал паузу, позволяя этим словам проникнуть в сознание не только Лены, но и её друзей.

— Вы отправитесь со мной. Сейчас. В мои покои в Хогвартсе, где есть необходимые средства для подавления подобных всплесков и где я могу наблюдать за вашим состоянием до возвращения мадам Помфри. Это не обсуждается.

— Нет! — выкрикнула Гермиона, но в её голосе, помимо защиты, звучало и зарождающееся понимание логики, какой бы ужасной она ни была. — Профессор, вы не можете просто изолировать её! Это…

— Могу и буду, мисс Грейнджер, — перебил он ледяным тоном, наконец бросив на неё короткий, пронзительный взгляд. — Как её преподаватель и как человек, только что предотвративший ментальный коллапс, который мог бы иметь катастрофические последствия для всех присутствующих, я несу ответственность. Вы хотите рискнуть, чтобы следующий «приступ» произошёл, когда мистер и миссис Уизли вернутся домой? Или, что ещё хуже, когда рядом будут эти дети? — Его взгляд скользнул в сторону камина, где на полке в деревянной рамочке улыбались с фотографии её младшие братья.

Его аргумент, холодный и безжалостный, повис в воздухе тяжёлой глыбой. Они все видели, как корчилась от боли Гермиона, пытаясь ей помочь. Видели, как сама Лена была на грани.

— Лена… — тихо сказал Гарри, и в его глазах шла борьба. Он ненавидел Снейпа, но также знал, что такое неконтролируемая магия и видения, приходящие извне.

Лена подняла дрожащую руку. Она чувствовала себя выжатой, разбитой, но сквозь туман ясно осознавала его правоту, как ни ужасно это было. Оставаться здесь, быть бомбой замедленного действия для семьи, которая так тепло приняла её… Нет.

— Всё в порядке, — её голос был хриплым, едва слышным. — Он… профессор прав. Мне нужно… стабилизироваться.

— Но, звёздочка… — начал Джордж, и в его голосе впервые прозвучала неподдельная, детская растерянность.

— Я буду в порядке, — постаралась она улыбнуться, но получилась жалкая гримаса. — Он же… не даст мне взорваться. Для этого и забирает.

Снейп фыркнул, звук был коротким и едким.

— Безмерно тронут вашей верой в мои альтруистические мотивы, мисс Лукьена. Ваши вещи. Теперь отправимся в Хогвартс.

Она кивнула, с трудом поднимаясь. Фред и Джордж молча помогли ей собраться. Прощание было скомканным, тягостным. Гермиона сунула ей в руки флакон.

— Укрепляющее для психики. Из книги, что ты дала.

Гарри молча сжал её плечо. Рон мрачно бубнил, глядя на Снейпа как на персонального врага.

— До встречи в Хогвартсе, — прошептала Лена, окидывая взглядом комнату.

Снейп не стал ждать. Он резко повернулся и вышел. Лена, бросив последний взгляд на близнецов с их беспомощной злостью, поплелась за ним.

В гостиной он схватил горсть порошка из камина.

— Хогвартс, мои покои! — бросил он порошок в огонь, и пламя взметнулось зелёным столбом. — Идите.

Лена, сжимая чемодан и палочку, шагнула в огонь. Ощущение головокружительного полёта сменилось резким переходом в холодную полутьму. Она вывалилась из камина в просторном, но мрачном кабинете-гостиной с высокими потолками, заставленными книгами полками и тяжёлой мебелью тёмного дерева. Воздух пах полынью, старым пергаментом и чем-то резким, химическим. Через мгновение рядом возник Снейп, едва не пошатнувшись. Он немедленно отступил от неё, будто от источника заразы.

— Садитесь, — бросил он, указывая на строгое кожаное кресло у камина, в котором не тлело ни одного полена. — И не трогайте ничего.

Он прошёл к дальнему шкафу, выдвинул ящик и начал выставлять на небольшой столик флаконы: один с густой серебристой жидкостью, другой с дымящейся бирюзовой, третий — просто с прозрачной, как слеза, субстанцией.

— Выпейте это, — он протянул ей первый флакон. Его пальцы слегка дрожали. — Ингибитор ментальной проекции. Он притупит вашу восприимчивость на несколько часов, дав время вашей психике восстановить естественные барьеры.

Лена послушно взяла флакон. Зелье было холодным и безвкусным, но, едва проглотив его, она почувствовала, как назойливый фон в голове — эхо боли, чужих мыслей — стихает, будто кто-то выключил громкий радиоприёмник. Наступила пугающая, но блаженная тишина.

— А это, — он поставил перед ней второй флакон, — для физического восстановления. Вы измотаны.

Пока она пила второе зелье (оно оказалось сладковатым и согревающим), Снейп отступил к своему письменному столу, сел и опустил голову на сложенные руки. Он дышал глубоко

и ровно, явно борясь с собственной болью. В комнате стояла тишина, нарушаемая только тиканьем старинных часов в углу и потрескиванием углей в другом, небольшом камине, где всё же горел огонь.

— Почему вы… забрали его на себя? — тихо спросила Лена, осмелев под действием зелья. — Боль.

Он не поднял головы.

— Потому что альтернативой была ваша смерть или необратимое повреждение разума, которое, учитывая нашу… связь, могло бы по принципу обратной связи ударить и по мне. Это был акт элементарного самосохранения, не более.

Но его голос был лишён привычной язвительности. Он звучал устало и… правдиво.

— Вы видели то же, что и я? — не отступала она. — Его. И… себя?

Он резко поднял голову. Его глаза в полумраке казались совершенно чёрными.

— Достаточно, чтобы понять, что наша ситуация из разряда неприятных перешла в категорию критических. Вы стали каналом, мисс Лукьена. И канал этот открыт в обе стороны. То, что произошло в комнате мальчишек… это был не просто ваш кошмар. Это была утечка. Его эмоции, его боль, его… страх просочились через вас.

Он встал и подошёл к полке, снял толстый, потрёпанный том.

— До возвращения остального стада вы останетесь здесь. В этой комнате. Вы не будете пытаться применять магию, медитировать или делать что-либо ещё, что может спровоцировать очередной «просмотр». Вы будете спать, есть и пить то, что я вам дам. Ваша задача — восстановить те жалкие подобия ментальных стен, которые у вас были. Моя задача — понять, как заблокировать этот проклятый канал, пока он не убил нас обоих или не выдал меня Тому Реддлу с потрохами. Понятно?

Лена кивнула, съёжившись в кресле. Страх вернулся, но теперь это был холодный, ясный страх, смешанный с благодарностью за эту тишину в голове и за то, что он, несмотря ни на что, действовал.

— Спасибо, — прошептала она.

Он замер, держа книгу в руке. Его спина напряглась.

— Не благодарите. Я делаю это не для вас. Я делаю это, потому что иного выбора у меня не осталось. Теперь спите. Диван там, — он мотнул головой в сторону угла, где стоял длинный, невзрачный диван. — Я разбужу вас утром.

Он погасил все свечи, кроме одной на своём столе, и погрузился в чтение, отгородившись от неё стеной из молчания и страниц. Лена, повинуясь, устроилась на жёстком диване, накрывшись найденным на спинке тяжёлым пледом. Враг, ставший единственным якорем в шторме её разума. И в этой мысли не было покоя, лишь горькое, щемящее принятие.

Лена лежала на жёстком диване, завернувшись в шерстяной плед. Тишина в голове была обманчивой — под ней пульсировала реальность только что пережитого кошмара. Она не скрывала своего взгляда, устав от масок. Свеча освещала его профиль, и в этот миг он был не профессором, а человеком — Северусом, с длинными пальцами, бережно поправляющими закладку, с усталым жестом, когда он откинул чёрные волны волос со лба.

Их взгляды встретились. Не случайно. Они столкнулись в полумраке, как два корабля в тумане, обречённые на один курс.

И в этот миг, в пространстве между ними, прозвучало эхо. Не голос, а сама плоть пророчества, ожившая и заговорившая в их синхронно замерших сердцах. Слова прорезали сознание, холодные и неоспоримые, как резьба на камне:

«…НЕТ ПУТИ НАЗАД… ТЕПЕРЬ КРОВЬ И ДУХ — ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ…»

Лена вздрогнула, как от удара. Снейп резко вскинул голову, его лицо исказилось не яростью, а шоком чистого, животного узнавания. Пророчество перестало быть текстом. Оно стало фактом, ощутимым в воздухе, который вдруг стал густым и тягучим, как сироп.

Он встал. Не плавно, а порывисто, свидетелем чего никогда не был бы ни один ученик. Его стул с грохотом отъехал назад. Он сделал шаг к ней, потом ещё один, двигаясь не как преподаватель, а как человек, ведомый неведомой силой, против которой бессильны все его щиты.

Лена не отпрянула. Она тоже поднялась, плед соскользнул с её плеч. Они стояли теперь в двух шагах друг от друга, и расстояние казалось одновременно бездонной пропастью и ничем.

— Вы… слышали? — прошептала она, и её голос был чужим.

— Молчите, — вырвалось у него, но в его приказе не было силы. Была лишь та же ошеломлённая тишина, что и у неё.

Его взгляд упал на её губы, потом снова поднялся к глазам. В его чёрных, всегда непроницаемых глубинах бушевала буря — отрицание, ярость, страх и что-то ещё, тёмное и неудержимое, что это пророчество разбудило. Он, всегда контролирующий каждую мышцу, казался потерянным.

И тогда она сама сделала шаг навстречу. Не думая, повинуясь тому же глубинному импульсу, что тянул его к ней. Они оказались так близко, что она чувствовала исходящее от него холодное тепло, вдыхала смесь полыни, пергамента и чего-то сугубо мужского, напряжённого.

— Единое целое, — повторила она шёпотом, не сводя с него глаз, бросая вызов ему, пророчеству, всей этой нелепой ситуации.

Его рука поднялась — не для того, чтобы оттолкнуть. Длинные, тонкие пальцы, ещё дрожащие от недавней боли, медленно, почти нерешительно коснулись её виска, точно в том месте, где он пытался «приглушить шум» в видении. Прикосновение было ледяным и обжигающим одновременно. Она замерла, сердце колотилось где-то в горле.

— Это безумие, — прошипел он, но его пальцы не отдернулись. Они скользнули ниже, по щеке, едва касаясь кожи, будто проверяя реальность её существования. — Абсолютное, неисправимое безумие.

— Да, — согласилась она просто, и сама подняла руку.

Она коснулась его руки, лежащей у неё на щеке. Его кожа была прохладной, а под ней чувствовалась напряжённая сила жил и мышц. Он вздрогнул от её прикосновения, но не отшёл. Его взгляд приковался к её губам с такой интенсивностью, что у неё перехватило дыхание.

И тогда граница рухнула.

Он наклонился. Она потянулась навстречу. Это не был нежный поцелуй. Это было столкновение — двух одиночеств, двух ран, двух судеб, сплетённых против их воли. Его губы были твёрдыми, почти грубыми, в них была вся горечь его жизни и яростное, отчаянное отрицание того, что происходило. Но было в них и нечто иное — признание. Принятие этой чудовищной связи. Она ответила ему с той же силой, цепляясь за складки его одежды, не в силах и не желая отпускать. В этом поцелуе не было любви. Была правда — горькая, опасная, неотвратимая. Правда пророчества, ставшая плотью.

Он разорвал поцелуй, оторвавшись от её губ с глухим, сдавленным звуком, будто ему не хватало воздуха. Не отпрянул, а отстранился, создав дистанцию в полшага. Его глаза, чёрные и огромные в полумраке, сверлили её, но в них не было привычного льда. Была нагота — шоковая, сырая, неприкрытая. Он смотрел на неё, как на незнакомое, опасное и завораживающее заклинание, которое он только что наложил сам на себя.

— Чёрт возьми, — вырвалось у него хрипло, больше констатация факта, чем ругательство. Он провёл рукой по рту, не стирая, а как бы запечатывая ощущение. — Чёрт возьми.

Его взгляд упал на её губы, снова поднялся к глазам. Голос, когда он заговорил снова, был низким, напряжённым, но лишённым резкости приказа.

— Тебе надо уйти. Не потому что я этого хочу. Потому что иначе… — он жестом, более сдержанным, чем отрывистым, указал на пространство между ними, — это закончится ещё большим безумием. Спальня там. Иди. Запрись.

Это не был крик «Вон!». Это была просьба, завёрнутая в грубоватую, но искреннюю упаковку заботы о них обоих. В его тоне сквозила не злоба, а усталое, ошеломлённое признание того, что контроль утерян.

Лена, всё ещё опьянённая случившимся, лишь кивнула. Она повернулась и пошла к арке, чувствуя, как его взгляд тяжелеет у неё на спине — не осуждающий, а… следящий. Берегущий.

Снейп дождался, пока щёлкнет задвижка. Тогда он медленно, будто каждое движение стоило усилий, опустился в кресло у камина. Не с размаху, а тяжело. Он сел, вытянув длинные ноги, и уставился в потухшие угли.

«Идиот. Безмозглый, непроходимый идиот».

Мысль была привычной, самоедской, но в ней не было прежней едкой горечи. Была усталость. И страх. Но не за свою репутацию или положение. Страх был за неё. За ту хрупкую, нелепую связь, что теперь висела между ними, как паутина, которую он только что собственноручно сплёл ещё крепче.

Он не вскакивал. Не ходил кругами. Сидел неподвижно, сжав кулаки на коленях. Внутри всё горело и гудело. Вкус её — не девичий, а женский, тёплый и живой — смешивался с горьким привкусом полыни на его языке. Пророчество, произнесённое их общим, беззвучным голосом, отдавалось эхом в костях: «…Единое целое…»

Он думал не о последствиях, не о Волан-де-Морте в первую очередь. Он думал о том, как она ответила ему. Не отстранилась в ужасе. Не застыла в шоке. Она ответила — с той же силой, с тем же немым вопросом. Это сводило с ума. Это лишало почвы под ногами.

Часы пробили три ночи. Он налил себе воды — не виски — и выпил залпом, пытаясь смыть ком в горле. Глядя на дверь в спальню, он представлял, как она лежит там, на его постели, под его одеялом. Мысль не вызывала раздражения. Вызывала странное, щемящее чувство ответственности. Он привёл её сюда, чтобы защитить. А сам стал для неё, возможно, самой большой опасностью и одновременно… единственным, кто понимал.

Под утро, когда серый свет сделал комнату призрачной, он подошёл к двери. Встал перед ней, слушая тишину. Он поднял руку, сжал её в кулак, но не стал стучать резко. Постучал костяшками пальцев — твёрдо, но не громко.

— Лукьена. Подъём. — Голос был низким, немного хриплым от бессонницы, но не грубым. В нём была привычная сухость, но без прежней ядовитости. — Поезд через несколько часов. Обсудить кое-что нужно. Пока здесь тихо.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.